

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ ШАБАРИН
КРЕТЧ.
ГИМН БЕГЛЕЦОВ

Павел В. Шабарин
Кретч. Гимн Беглецов
Серия «Кретч», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10854660
Кретч. Гимн Беглецов: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015
ISBN 978-5-9922-2004-9

Аннотация

За последние годы город Кретч стал центром технологического прогресса. Мир застрял в темных веках, и лишь жители Кретча сумели вырваться в индустриальную эпоху. Когда повсюду церковь выискивает колдунов и ведьм, здесь промышленники строят заводы и железные дороги. Когда во всем мире на полях сражений сверкает сталь, в Кретче производят порох и ружья.

Окутанные туманом улицы скрывают много тайн. Разведки многих стран сражаются за право владеть опасными технологиями. Аристократы плетут интриги, а в бедных районах поднимают голову революционеры. Тем временем город содрогается от череды загадочных убийств. Где-то в самом его сердце пробуждается немыслимое древнее зло.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Павел Шабарин

Кретч. Гимн Беглецов

Глава 1

Три огня

Лесли

Лесли любил свою работу, и оттого он тихонько насвистывал, пока его повозка легко катила вперед. Свист этот был не только приятен ему самому, но еще и раздражал его груз, что добавляло веселья. А еще старый возница верил, даже знал, что эта древняя мелодия отгоняет духов, незримо обитающих в ветвях Миркского леса. Березы и сосны непроглядными в ночи стенами стояли по правую и левую руку от узкой колеи дороги. При себе возница имел старенький бычий глаз. От лампы исходили тепло и керосиновый чад. Луч света разрубал тьму, но это, похоже, ее только злило, и она становилась густой и непроглядной по его краям.

Впрочем, Лесли не боялся ни тьмы, ни того, что в ней обитало. С ним была его мелодия, что он когда-то слышал из материнских уст, а еще – два мордovorота-стража. Они неспешно ехали позади повозки на своих приземистых серых лошадках. Оба при мечях и пистолях. Тот, что постарше, нес за спиной тяжелый пехотный арбалет – видимо, дань старой привычке и армейским традициям. Сам Лесли как когда-то в молодости не научился стрелять из лука, не стал и сейчас, в своих седых годах, учиться обращаться с черной солью, иначе говоря – порохом. Ему это было без надобности. Меж досок облучка примостилась рукоять добротного свинореза. Нож, как ему и положено, был не длиннее чем от локтя до кончика пальцев его владельца.

Многие говорили, что скоро попадут под запрет как ружья, так и пистолы. Но Лесли не верил. Толку от пистолей было ноль, а значит, и запрещать их не нужно. Пару лет назад, когда эти чудеса только появились, один умник пальнул Лесли в брюхо. Возница встал, вытащил свой нож и раскроил парню горло, пока тот думал, как бы ему перезарядить свое оружие. Круглый кусочек свинца потом пришлось выковыривать, а рану еще в два оборота прокладывать целебными травами да присыпать серой солью. Шрам остался большим, но по сравнению с остальными, что Лесли получил на своей работе, этот был сущим пустяком.

Свою работу он действительно любил. С одной стороны, он в каком-то смысле имел власть над человеческой жизнью. Груз должен добраться до места или... в крайнем случае Лесли мог пустить в ход свинорез. С другой стороны, возница не был ни судьей, ни палачом. Лезвие его ножа обагралось кровью не так часто, и каждый раз у него не оставалось иного выбора. Ему не был приятен процесс, но ему доставляло удовольствие знать, что он, простолюдин, второй сын портного, *может по собственной воле* отнять жизнь. Оттого он и любил свою работу.

Лесли натянул поводья, когда впереди из темноты показался силуэт упавшего на дорогу дерева. Черная птица, кажется ворон, взлетела с его ветви, махнув широкими крыльями.

– Что ж за напасть! – выругался Лесли, а затем крикнул куда-то назад: – Эй, мужики! Тут дерево на дороге. Сюда идите!

Он уже начал слезать со своего места, когда до него долетел звук голоса одного из стражников, того, что постарше.

– Варрик, поможешь там? – Тишина. – Пацан, ты чего, отстал? Варрик?!

В темноте вдруг что-то вспыхнуло, раздалось шипение, и сразу за ним – звук выстрела. Лошадь заржала, что-то тяжелое упало на землю. Послышался удаляющийся топот копыт. Затем все стихло.

– Что там у вас происходит? Мужики?! – Голос Лесли дрогнул, но не его рука, в которой возница уже сжимал рукоять ножа.

Второй рукой он схватил фонарь и направил его луч в сторону стражников. Сквозь тьму, окутанную пороховым дымом, проступала одна-единственная фигура. Между нею и Лесли было шагов двадцать, не меньше.

– Поставь фонарь. – Голос незнакомца звучал уверенно и даже властно.

Лесли поймал себя на мысли, что уже наклонился, чтобы сделать то, что ему сказали, но вовремя одумался.

– Мужики?! – крикнул он еще раз зачем-то, хотя и знал, что те двое уже мертвы.

Человек это был или нет там, в дымке... у старого возницы был долг, и сейчас, он знал это, настала пора его исполнить. Лесли занес свинорез и направил лезвие меж досок.

Груз не должен уйти.

Пламенем вспыхнула боль в руке, занесшей нож для удара. В полумраке Лесли увидел короткий арбалетный болт, торчащий из своего запястья. Свинорез, выпущенный им, так и остался торчать между досками.

Лесли соображал быстро. Не теряя ни секунды, возница поднял фонарь, чтобы со всей силы опустить его на повозку: керосин вспыхнет, и огонь поглотит груз.

Но его плану не суждено было сработать. За считанные мгновения незнакомец преодолел расстояние между ними. В два невозможных прыжка он оказался лицом к лицу с возницей. Одной рукой он перехватил лампу, а другой – вонзил в Лесли его же собственный нож. Лезвие вошло в живот и невероятно медленно двинулось вверх, к сердцу. Но до сердца не дошло. Все еще в сознании Лесли повалился на землю.

Незнакомец выпустил рукоятку ножа и легким движением подхватил лампу. Затем он уже не спеша снял с пояса возницы ключ, пока тот сквозь кровавую пену, идущую ртом, пытался посылать проклятия в сторону своего убийцы.

Лесли поднял глаза к клочку неба, проступающему меж крон деревьев, и наконец-то понял, что уже не сможет исполнить свой долг.

Томас

Трое, что сидели в деревянной клетке, конечно, не видели того, что происходило снаружи. Сквозь щели между досками проступали лишь острые как нож лучи света. Были слышны приглушенные голоса и какая-то возня.

Томас зашевелился первым. Тело, покрытое синяками, отозвалось ноющей болью. Всех били до погрузки в телегу, но старому вору досталось пуще остальных. Стражники, вне всяких сомнений, были наслышаны о его репутации и, опасаясь побега, решили применить наиболее эффективную контрмеру – окованные сапоги. Сейчас на нем, кажется, не было живого места.

Да уж. Он представлял, как сейчас выглядит. Вокруг глаз все вздулось синевой. Повсюду корки запекшейся крови – и в спутанных волосах, и на седой косматой бороде, и на рубахе из мешковины. Но самое ужасное – что у него были разбиты пальцы, да так, что руки почти не слушались.

Но даже в таком состоянии у Томаса хватило сил и сноровки, чтобы вытащить ржавый гвоздь из телеги. Не самая лучшая отмычка, но и кандалы были довольно простыми.

Раздался глухой звук удара.

Томас поднял взгляд и увидел, как девчонка, что сидела напротив него, завалилась набок и сейчас пыталась выломать дверь телеги ногами.

– Совсем с ума сошла? – шепнул он ей. – Сначала надо кандалы снять!

Девчонка на секунду прервалась и посмотрела на него. Молодая, высокая, красивая, с копной огненно-рыжих волос. Но при этом в тюрьме ее обходили стороной даже стражники. Один-единственный раз трое охранников решили поразвлечься с ней. Один ушел со сломанной рукой, второй без зубов, а третий... о том, что стало с ним... Томасу и думать не хотелось.

– Ага, – улыбнулась ему девушка и нанесла еще один удар, – чтобы нас тут прирезали как свиней? Я уже видела там лезвие ножа. Мне оно без надобности.

Третий, что сидел в дальнем углу – молодой парень, – судя по виду, хотел сказать что-то важное, но промолчал. Возможно, потому, что был крайне сдержан, возможно, потому, что рот его был накрепко заткнут кляпом. Такого обращения обычно удостоивались политические заключенные, те, кто мог сболтнуть лишнего. Но парень был настолько прост лицом, насколько это вообще было возможно. Светлые, выгоревшие на солнце волосы и загорелые мозолистые, мускулистые руки говорили о том, что этот человек раньше работал на земле. Томас никак не мог смекнуть – зачем затыкать рот крестьянину?

Пока девчонка продолжала выбивать крепкую дверь, что, кстати, получалось у нее довольно неплохо, старик закончил возиться со своими кандалами, и те со звоном упали на пол. Он сразу же подполз к парню и выдернул кляп.

– Благо... – Тот закашлялся. – Благодарствую!

– Сочтемся. – Томас попытался улыбнуться и подмигнуть ему сквозь свои синяки. Получилось неважно.

Как раз в этот момент дверь телеги наконец-то отворилась. Ровно за секунду до того, как девчонка нанесла последний удар. Ее босая, разбитая в кровь пятка угодила прямоком в человека, открывшего дверь. Тот, согнувшись пополам, схватил девушку за ногу и попытался удержать, но она тут же ударила его второй ногой в лицо и буквально вывалилась из телеги, гремя цепями.

– Помоги ей, – буркнул крестьянин, – я тут сам справлюсь.

Без лишних слов вор покрепче перехватил гвоздь и вылез наружу.

В свете фонаря, стоящего неподалеку, перед ним предстала следующая картина: на земле, наполовину погрузившись в грязную лужу, лежала эта драчунья и цепями удерживала на себе за шею какого-то мужика. Тот, в свою очередь, упирался острием ножа ей в бок.

Долго размышлять старик не стал. Он подошел к этим двоим и, наклонившись, прижал гвоздь к лицу незнакомца, рядом с глазом.

– Скажи ему, чтобы нож убрал! – рявкнула девчонка.

Томас скорчил недовольную рожу – ему не нравилось, когда им пытаются командовать.

– Делай, что она сказала, – тихо произнес он.

– Я приятно удивлен, – незнакомец широко улыбнулся, – надеюсь, если я соглашусь с вашими условиями, вы позволите мне хотя бы объяснить причину, по которой я пошел на риск и освободил вас?

– Пусть только шило свое уберет! – вновь рявкнула девчонка.

Старик кивнул, и спустя мгновение рукоять ножа оказалась у него в ладони.

Девчонка отпустила цепи и столкнула мужчину с себя. Тот повалился в грязь, а она поднялась на ноги. Как раз в этот момент из телеги показался и третий заключенный – уже без оков.

– Говори, – коротко сказал старик и направил лезвие ножа на незнакомца.

– Мое имя – Лэнгли.

– И что тебе нужно, Лэнгли? – спросил Томас.

– Для начала я хотел вас освободить, – сказал незнакомец и продемонстрировал ключ от оков, который он все это время сжимал во второй руке.

Резким движением девчонка выхватила ключ и начала снимать с себя путы. Парень тут же поспешил ей помочь.

– Отвали! – буркнула она ему. – Сама справлюсь.

– Что еще? – продолжал допрос старик, не давая незнакомцу подняться из грязи. Впрочем, того это, похоже, не очень волновало.

– Я еще хотел предложить вам воды. – Он постучал пальцем по фляжке у себя на поясе.

– Слушай, умник, не юли. Мне тебя тут кончить – дело пустяковое. – Томас решил, что немного блефа сейчас не помешает.

– Это славно, – заключил Лэнгли, а затем добавил: – Кроме того, я хотел посоветовать вам дальнейший маршрут.

– Что?

– Ну... вы можете пойти назад, к ближайшей заставе, или вперед, к долине рудников, куда вас и везли... Ну или уйти в лес к бандитам и диким животным... А можете...

– Вот... – старик улыбнулся, – сейчас мы все же узнаем, чего тебе нужно.

– Можете свернуть через двести шагов с дороги и выйти к заброшенной лесопилке. Там ночуют трое путников. Они не из этих земель. У них с собой золото и документы...

– Отправить их к праотцам, так? – спросила девчонка, потирая запястья.

– Я ни на чем не настаиваю, но если вы трое это сделаете, то вполне можете занять их место... Кстати, можно мне встать?

Старик и девчонка перекинулись взглядами и оба отступили на шаг.

Лэнгли поднялся на ноги. Только теперь у всех появилась возможность его рассмотреть. Незнакомец был совершенно ничем не примечателен. Среднего роста, среднего телосложения, он был облачен в побитую временем военную шинель, которая, похоже, и до падения в лужу чистотой не отличалась. Под шинелью виднелась простая рубаша, а еще на нем были кожаные штаны и армейские сапоги с тупыми мысами. Больше всего такой вид соответствовал бы какому-нибудь дезертиру из стрелкового полка. Глаза у него были черными, как и волосы, и чем-то Лэнгли походил на ворона.

– Воды? – Он протянул им свою фляжку.

Парень, опередив Томаса, выхватил флягу и, откупорив ее зубами, сначала принялся, а лишь затем отпил.

Сделав несколько жадных глотков, он передал флягу старику.

Вода оказалась ледяной и буквально обжигала все внутри. К своему искреннему удивлению, оторвавшись от горлышка, Томас обнаружил, что вместе с жаждой отступает и ноющая боль.

Лэнгли тем временем развернулся и преспокойненько двинулся напрямик в сторону леса.

– Если все выгорит, то встретимся с вами на пароме до Кретча. Он в одном дневном переходе к северо-западу от лесопилки. Там и обсудим дальнейшее сотрудничество.

С этими словами он покинул конус света и тут же растворился в темноте, оставив позади трех осужденных, а ныне беглых каторжников.

– Будешь? – Старик предложил флягу девушке, но та отрицательно покачала головой.

Томас выпил столько, сколько ему хотелось, а остатки вылил себе на голову и протер лицо ладонью.

Рядом с телегой валялись трупы.

– Мародерство? – предложил старик и обнаружил, что девушка уже стягивает сапоги с возницы.

– Не дело это – с мертвеца одежду носить, – буркнул парень, залезая на верх телеги, где перевозили товары, – тут тоже может что-то быть.

– Ну, может, раз такое дело, познакомимся? – Старик двинулся к телу одного из стражников и поднял с земли старенький арбалет. Резная рукоять, стальная дуга и тетива из конских жил. Это было добротное, пусть и старомодное оружие. Оно ему сразу же приглянулось.

Девушка его предложение проигнорировала. Она явно не была заинтересована в новых знакомствах.

– У имен большая сила, – проговорил парень, – негоже их сеять, как рожь.

Старик пожал плечами.

– Я – Томас. Трегар по отцу.

– Алиса. – Если бы девушка в этот миг не стягивала сапоги с трупа, то можно было бы сказать, что ее имя прозвенело в воздухе нежной мелодией.

– Ну ежели все признались, то мне и подавно следует... – Парень неловко улыбнулся. – Эрик, сын Эрика.

– Ну а взяли вас за что? – поинтересовался старик.

Алиса подняла на него свой раздраженный взгляд.

– Я покалечила кучу народу. В том числе тех, кто задавал глупые вопросы.

В ее голосе была слышна надменность, свойственная только людям аристократической породы.

– А я простой крестьянин, – сказал Эрик, – а еще немного ремесленник.

– На каторге «простых» не бывает, – пояснил старик, – чего такого ты натворил?

– Да год был неурожайным, – пожаловался парень. – Не захотел, чтобы пацаны мои голодали, вот и стал приторговывать на стороне.

– Чем? – вклинилась в беседу девушка.

– Незаконным, – просто ответил крестьянин, а затем обратился к старику: – Ну а ты сам?

– Вор, – честно ответил тот, – связался не с теми ребятами и вляпался в большую игру.

– То есть ты разбираешься в... – заговорил Эрик, но вдруг запнулся, будто следующие слова комом застряли в его горле. Прикрыв на секунду глаза и как бы переборов себя, он продолжил немного иным тоном: – ...В том, что нам предстоит сделать?

– А ты уже за всех тут решил, что мы будем дрессированными собачками этого Лэнгли, – усмехнулась аристократка.

– Ну а что нам остается делать? – пожал плечами крестьянин.

Девчонка заглянула ему в глаза, и, кажется, между ними двумя пробежала недобрая искра.

– Я не разбираюсь в убийствах, если ты об этом. – Томас ответил на заданный вопрос, затем добавил: – Но я сведущ в тонком искусстве обмана и жизни теней. Когда дело касается плаща и кинжала, мне куда ближе плащ, нежели кинжал.

– Неужто ручек не замарал ни разу? – усмехнулась Алиса.

– Было дело. Но я отнимал жизнь только тогда, когда не оставалось другого выбора.

– А что ты? – обратилась девушка к парню. – Трупов не обираешь, да? Но ведь приходилось... убивать?

Эрик помрачнел. На вопрос он ответил молчанием.

– А ты? – спросил ее Томас. – Убивала?

– В бою, – ответила она совершенно серьезно, глядя ему в глаза. – И еще... я собираюсь кое-кого убить.

– Тоже в бою?

– Можно и просто так. Главное – отнять жизнь у негодяя.

– Так! – Вор потер переносицу. – С нашими личными проблемами можно разобраться позже. Сейчас мы в одной лодке, и действовать надо сообща. Все согласны?

Эрик на секунду поднял глаза и заглянул будто прямо в душу Томасу. Затем он вновь отвернулся. И хотя крестьянин ничего не сказал, старику показалось, что тот не против того, чтобы работать вместе.

– Да мне плевать, – пожала плечами Алиса, – пока ты, дедуля, все-таки не решишься взяться за кинжал и воткнуть мне его в спину, у нас будет взаимопонимание.

– Хорошо. Мы будем делать то, что нам сказал этот тип? – Томас продолжал импровизированное совещание.

– Я никого убивать не буду, – Эрик, как обычно, был краток.

– Но ты не против, если кто-то из нас это сделает? – спросил вор и посмотрел на аристократку.

Крестьянин только пожал плечами.

– Слушай, старый, а про меня ты не забыл? А то ты тут, похоже, сам все решил, – возмутилась Алиса.

– Я почему-то не думаю, что твой план отличается от моего.

Брови девушки поднялись вверх, на ее лице отобразилась смесь удивления и злости.

– Мы пойдем к лесопилке и побеседуем с теми ребятами, которых нам поручено убить, – продолжил старик. – При первой же возможности оглушим их и заберем документы с деньгами. Если будут рыпаться – ты пустишь им кровь. Затем мы двинемся к Кретчу. У нас в запасе до двух недель, пока наши портреты с гонцом не придут туда. К тому же это большой город, и там будет легко затеряться на какое-то время. Нам не составит труда залечь на дно, особенно с золотом в кошельке, а затем разбежаться.

Выражение лица аристократки изменилось. Похоже, она всерьез задумалась над словами старика.

– Что будем делать с Лэнгли? – спросила она.

– Выслушаем его предложение. Если нас что-то не устроит, ты сможешь скинуть его за борт парома.

Так, за разговорами, они собрали то, что могли, с телеги и убитых. Аристократка забрала себе только сапоги и широкий плащ возницы, в то время как вор целиком переоделся в облачение одного из стражников. Крестьянин, как и говорил, не стал трогать трупов. В телеге он обнаружил отрез плотной ткани, из которой соорудил себе обмотки на ноги и некое подобие накидки. Все трое вооружились, чем смогли. К костюму стражника хорошо подошел арбалет и меч, а кроме того – нож возницы. Девушка, которая наверняка знала, как обращаться с огнестрельным оружием, прибрала себе к рукам оба пистоля. Судя по нескольким элегантным взмахам мечом – с ним она тоже умела обращаться. Парень не стал изощряться и взял из телеги молот, который, по всей видимости, предназначался для работ на каторге.

В телеге также имелись кое-какие припасы – вино, жесткий как камень серый хлеб и несколько кругов сыра. Едой нагрузили мула, спокойного, как вековое дерево. Животное было абсолютно безразлично ко всему происходящему вокруг.

Закинув тела в телегу и предав ее огню, беглецы двинулись вперед по дороге. Спустя примерно двести шагов они свернули на небольшую тропу, которой наверняка не заметили бы в темноте, если не знали, что она тут есть.

– И что мы будем делать, когда найдем тех... людей? – поинтересовался Эрик.

– Пустим им кровь, – пожала плечами Алиса. – Если вы имеете что-то против, то я сделаю это сама.

– Не стоит торопиться... – задумчиво произнес Томас, а затем вдруг обратился к парню: – Эй, друг, посвети-ка мне на морду. Синяки под шлемом видно?

Крестьянин направил на него луч фонаря.

– Да нет, не очень, – сказал он.

Девушка тоже посмотрела на вора и вдруг выругалась.

– Что за?! – воскликнула она. – Что у тебя с лицом?

Томас вопросительно посмотрел на нее.

– Синяки, – выдохнула она коротко, – их нет.

– Ну да, – в голосе Эрика не было ни капли удивления, – это из-за воды.

Старик стянул с себя шлем и попытался рассмотреть свое лицо в отражении полированной металлической поверхности.

– Это вода с прозрачной солью. К тому же заговоренная, – объяснил крестьянин таким голосом, будто это было обычным делом.

– Откуда тебе знать? – В голосе аристократки зазвенела сталь.

– Лучше спроси, откуда такая соль у этого Лэнгли... – проговорил старик, все еще разглядывая кривое отражение своего лица. Казалось, он даже стал чуточку моложе. – Она вне закона и стоит целое состояние... а я вылил ее себе на голову.

Впервые на лице Алисы появилась какая-то неуверенность.

– Так что, мы будем ему помогать? – спросила она.

– Поможем себе, а там уж решим. – Старик вновь надел шлем. – Только для начала нужно проверить, не пытается ли он нас подставить.

Они вновь зашагали по тропе. Когда спустя несколько минут лес впереди начал светлеть, они погасили лампу и продолжили путь в темноте. Вскоре их взгляду открылась небольшая поляна, а на ней старое покосившееся здание, рядом с которым были свалены многочисленные бревна.

Томас подал знак остальным, чтобы они остановились и не шумели.

Алиса

Перед домом стояли двое. В тусклом свете Шпиля было сложно что-то различить, но почему-то Алиса была уверена, что это мужчина и женщина. Старый вор приказал ждать, и девушка не видела причин поступать ему наперекор. А их третий спутник лишь буркнул что-то про какую-то монету и что, дескать, у нее две стороны, после чего ушел в лес. Девушка не могла сказать точно, но скорее всего, парень решил обойти лесопилку с другой стороны.

Спустя какое-то время мужчина ушел внутрь дома, а женщина осталась снаружи.

– Оставили постового, молодцы... – похвалил их Томас. – А так можно было бы запереть выходы и угрожать поджечь дом, пока они не сдадут оружия.

– Неплохая идея, – отметила Алиса.

– Да, но они не настолько глупы.

– И что будем делать?

– Импровизировать.

– Как в театре? – спросила Алиса. Раньше это слово ей встречалось только там, и она не до конца понимала, что оно означает.

– Как в театре, – кивнул старик, а затем добавил: – Накинь капюшон, встань за мулом и держи руки на оружии. Когда пойдем – зажги фонарь.

Томас быстренько поправил все ремешки на своем костюме стража и двинулся вперед. Его походка и выправка тут же стали совсем иными. Он был и правда как актер на сцене. Алиса зажгла бычий глаз и последовала за ним. Приближаясь к лесопилке, она сумела наконец разглядеть дозорного. Это действительно была женщина – немолодая, но красивая, она была облачена в практичный дорожный костюм. На поясе у нее висел массивный пистоль и длинный нож. Женщина даже не скрывала оружия. Когда стало ясно, что двое стражников с мулом идут в их сторону, она встала.

– Чем могу помочь? – спросила их женщина чересчур громко. Без всякого сомнения, те, кто был внутри лесопилки, теперь знают, что снаружи кто-то есть.

– Добрый вечер, мисс... – произнес Томас не своим голосом.

– Мэм, – поправила его женщина.

– Прошу прощения, мэм-эм, – извинился старик, – скажите, вы путешествуете одна?

– Нет, со мной мой сэр и мой муж, его оруженосец.

– Могу я поинтересоваться именем вашего сэра, мэм-эм? – Томас продолжал медленно двигаться в сторону женщины.

Алиса же тем временем, как он ей и сказал, стояла за мулом.

В свете фонаря можно было хорошо различить их движения. Алисе казалось, что между женщиной и стариком завязалась какая-то интеллектуальная битва. Томас не держал рук на оружии, и его собеседница тоже, но стоило его руке оказаться хоть чуточку ближе к рукояти клинка, ее рука тут же оказывалась ближе к пистолю.

– Почему вы интересуетесь? – спросила незнакомка вместо ответа.

– Дело в том, мэм-эм, что мы ищем здесь троих каторжников. Они бежали этой ночью, совсем недалеко от этого места, и есть основание полагать, что сейчас они где-то в районе этой лесопилки.

– За этот вечер мы не встретили никого, кроме вас.

– И все же я бы хотел настоять на том, чтобы вы позволили нам осмотреть здание, мэм-эм. – Старик был уже на непростительно малом расстоянии от женщины.

– Это уже решать моему сэру.

– Вот именно поэтому я и интересовался его именем... – Томас развел руками.

В тот же миг женщина выхватила пистоль и спустила курок. Но к тому моменту, как гроыхнул выстрел, Томас уже успел отвести ее руку в сторону и нанести женщине несколько быстрых ударов в живот. Он даже не выдернул с пояса оружия. Женщина выпустила пистоль и отшатнулась назад. На белой рубашке проступила кровь. Из живота у нее торчал гвоздь.

В тот же миг открылась дверь лесопилки, и наружу показался мужчина с мечом наперевес. Алиса выхватила свой пистоль и сразу же выстрелила. Пуля угодила куда-то в корпус, но мужчина даже не шелохнулся. Быстрым, уверенным шагом он направился к Томасу.

– Ах ты мразь! – крикнул он. – Отойди от нее!

Того, что происходило дальше, Алиса не видела. Ей нужно было быстро достать второй пистоль и меч, а еще обойти мула, который, несмотря на выстрел, даже и не подумал сойти с места.

Когда девушка вновь взглянула на лесопилку, Томас уже отражал неистовые удары мужчины, сжимая в одной руке меч, а в другой – нож. Женщина упала на землю и, похоже, уже была не способна принимать участия в драке. Алиса решила для себя, что подойдет поближе и прострелит мужику голову вплотную, но в этот момент из дома показался еще один человек. Его огромная, почти двух метров роста, туша была закована в полный доспех. Похоже, женщина не шутила, называя одного из своих спутников сэром, – это и правда был рыцарь. В руках он сжимал меч, клинок которого был, наверное, раза в полтора шире ладони, а по длине не уступал росту владельца.

– Мать моя женщина... – выдохнула Алиса. Пробить такую броню, она знала точно, ни ее пистолем, ни мечом – невозможно.

Рыцарь двигался очень быстро, даже несмотря на тяжелый доспех. Видать, силы в нем было немерено. Он занес меч для удара, уже было собирался его опустить, как в этот момент что-то сзади звякнуло по его доспеху, и рыцарь оступился. Алиса, выдерживавшая все это время позицию, рванула вперед и вонзила свой клинок в сочленение пластин на обрат-

ной стороне локтя рыцаря. Удар был выверенным и точным, одна из рук, сжимавших меч, ослабла, и клинок опустился к земле.

Когда звон позади рыцаря раздался вновь, Алиса уже сумела различить Эрика. Тот изо всех сил бил по доспеху своей кувалдой. На третий такой удар гора железа все же рухнула. Крестьянин с некой долей удивления взвесил на руках свое оружие, а затем накрыл рыцаря еще одним ударом.

– Я помогу старику, – произнесла Алиса, и Эрик лишь кивнул в ответ.

Девушка развернулась как раз вовремя. Томас явно проигрывал в поединке. С него уже слетел шлем стражника, который был явно не по его голове. На доспехах были видны следы от пропущенных ударов. Нож возницы валялся где-то в стороне, и вору приходилось отбиваться от нападков врага, сжав рукоятку короткого меча двумя руками. Казалось, что иначе он его просто не удержит. Старик выдыхался. Его осанка куда-то исчезла, а лицо покраснело и покрылось потом. Противник все так же был в ярости – он наносил резкие, бездумные удары, стараясь выбить клинок из рук Томаса. Очередной удар оказался особенно сильным. Мужчина заорал, нанося его. Сталь сверкнула в свете фонаря, раздался звон, и вор рухнул на землю. Мужчина истерически захохотал и занес свое оружие, чтобы добить врага. Но его смех прервал хлопок выстрела. Голова мужчины буквально взорвалась, осыпая все вокруг своими кровавыми ошметками.

Алиса убрала пистоль за пояс.

– Живой? – спросила она у Томаса.

Тот попытался что-то сказать сквозь тяжелое дыхание и кашель, но девушка не разобрала ни слова. Она подошла поближе и, проверив, все ли у него в порядке, подхватила с земли арбалет.

– Он все не унимается! – раздался у нее из-за спины голос крестьянина.

– Иду! – выкрикнула Алиса в ответ, быстро натягивая тетиву.

Когда повернулась обратно к рыцарю, она увидела, что тот, все еще лежа на земле, одной рукой ухватился за кувалду, а второй пытается достать Эрика. На доспехе уже было порядка двух десятков вмятин, но это, похоже, совершенно не беспокоило его владельца.

– Да уймись же ты! – кричал Эрик, пытаясь вернуть себе кувалду.

– Сейчас, сейчас. – Алиса подошла к рыцарю и, приставив арбалет к его шлему, отправила болт сквозь глазницу. – Вот и успокоился.

Алиса с облегчением выдохнула лишь затем, чтобы услышать за своей спиной женский крик. Она резко обернулась и увидела, как раненая женщина с ножом в руках бросается на старика. Доли секунды. Она прыгнула на него, а он выставил перед собой меч. Лезвие прошло насквозь через грудную клетку. Женщина лишь харкнула кровью и тут же перестала двигаться. Ее уже мертвое тело спустилось ниже по клинку и упало на Томаса.

– Какая же ты тяжелая, – прокряхтел тот, пытаясь сбросить с себя труп.

Все было кончено.

– Мы... – вдруг с дрожью в голосе произнес Эрик, – ...мы их всех убили?

– Я их всех убила, – с усталой и одновременно взволнованной улыбкой на губах произнесла девушка то ли из гордости, то ли в попытке подбодрить своего новоявленного брата по оружию. – Ты помог, но... – Она вдруг посмотрела на старика, который все еще не выбрался из-под привалившей его женщины. – Иди, помоги дедуле встать.

Крестьянин кивнул. В его глазах читалось какое-то облегчение, но все равно он явно был на взводе. Алиса тоже была взволнована, но такое состояние было для нее привычным. Она четко знала, как использовать огонь, горящий у нее в крови после битвы. Надо было действовать, и действовать быстро.

В первую очередь она забежала в дом и убедилась, что внутри больше никого нет. Похоже, тут Лэнгли был с ними честен. Затем она спешно вернулась к рыцарю и начала

снимать с него доспех. Нельзя было позволить стали испортиться от крови. Из-под шлема показалось изуродованное лицо, черты которого было сложно разобрать после выстрела. Мужчина был бородат, и это все, что девушка сейчас могла о нем сказать. Избавившись от застежек брони, она сняла верхние пластины и откатила рыцаря в сторону. Одновременно мускулистое и жирное тело оказалось, к удивлению Алисы, практически лишено характерных шрамов. Кем бы этот тип ни был – он не участвовал ни в турнирах, ни в настоящих сражениях.

Рядом с ней прошел Эрик. В руках у него были походные мешки.

– Что ты делаешь? – удивилась Алиса.

– А ты?

– Я... – Она на секунду задумалась, а затем повторила с нажимом в голосе: – Что ты, во имя всего светлого, творишь, я спрашиваю?

– Выношу их вещи из дома, прежде чем предать его огню, – совершенно спокойно ответил крестьянин. – Тебе придется помочь мне затащить здоровяка внутрь.

Аристократка встала, выпрямилась в полный рост и посмотрела на него со всей той властью, что была в ее взгляде.

– А спать мы где будем, умник? – спросила она громко.

– Ну не в доме с неупокоенными мертвецами – это уж точно. И не в доме *рядом* с неупокоенными мертвецами.

– Я... – Алиса обернулась, чтобы найти поддержку в лице старика, но увидела того сидящим возле стены дома, там, где его усадил парень. У вора, похоже, не было сил даже встать. Кажется, он уже дремал.

– Ты, наверное, хочешь копать им всю ночь могилы? – спросил Эрик.

Девушка не нашла что сказать.

Парень кивнул ей и уже было продолжил заниматься своими делами, но вдруг остановился и посмотрел на нее пристально. Она ответила ему тем же. Казалось, крестьянин испытывает ее. Было в его взгляде что-то сильное и осуждающее, что затрагивало самые потаенные страхи в душе аристократки. Так же на нее когда-то смотрел отец. Алисе стало не по себе.

Слова будто сами вылетели у нее изо рта:

– У нас теперь есть походное снаряжение. Разобьем лагерь дальше по дороге на Кретч.

Крестьянин кивнул:

– Ночь еще молодая.

Эрик

Эрику не нравилось все происходящее. Очень не нравилось. Но разве у него сейчас был иной выбор, нежели следовать за своими куда более опытными спутниками? И старый вор, и аристократка, похоже, были компетентны в плане разного рода авантюры. Эрик был привычен к жизни крестьянина, жизни на своей земле, в безопасности родных стен и родной деревни. И в этой жизни не было места ни убийствам, ни дерзким побегам, ни... Парень даже и не мог предположить, какие ужасы его ждут впереди.

Он поджег лесопилку. Не веря в то, что это его руки держат горящий факел, он подпалил сухое сено, облитое керосином. Огонь вспыхнул ярким пламенем и в один миг перекинулся на стены старого дома.

В стороне от пожара раздалось лошадиное ржание. Алиса и Томас держали под поводья лошадей, которые когда-то принадлежали убитым путникам. Весь новообретенный скарб уже погрузили в седельные сумки. Признаться, рыцарь и его слуги почти и не разгружали лошадей, когда остановились на ночлег. Так что грабеж оказался делом совсем про-

стым. Взяв одну из лошадей под уздцы, Эрик в очередной раз ужаснулся происходящему. Надо же, грабеж. До чего он докатился!..

Должно быть, на его лице в свете полыхающей лесопилки сейчас отразились лишь тени тех эмоций, что жгли изнутри.

Вскоре Томас и Алиса привычными движениями забрались в седла, и парень, внимательно пронаблюдав за ними, последовал примеру. Конечно, он умел ездить на спине лошади. Просто куда привычней было бы запрячь ее, скажем, в плуг или телегу. По собственному мнению, крестьянин не обладал нужной для верховой езды ловкостью.

Эти двое о чем-то беседовали, но Эрик их не слушал. Его куда больше интересовало животное, которое так любезно пустило его на свою спину и сейчас несло вдоль полузаросшей лесной просеки. Кобыла была рада тому, что теперь на ней восседал не рыцарь, облаченный в тяжелые латы, а обычный, среднего веса мужчина. Поначалу она беспокоилась – запах наездника и его движения были непривычны. Но это беспокойство прошло, когда его мозолистые руки коснулись загривка. Эрик умел успокаивать животных. Это не было каким-то особым даром, просто он чувствовал вещи, недоступные другим. Он слушал животное и действовал соответственно тому, что слышал. Лошадь уже устала от дальней дороги. Она несла своего тяжелого наездника уже не первый оборот Шпиля. Город, в котором ее продали, стоял на проточной воде. Кем бы ни были покойные – они путешествовали из дальних стран.

Эрик озвучил эту мысль своим спутникам.

Две пары глаз устремили свои возмущенные взгляды на него. Похоже, он заговорил прямо посреди их беседы. Крестьянин вернул свой взгляд на дорогу.

– А я думаю, он прав... – донесся до Эрика обрывок разговора. Говорил старик.

– И что с того? – отвечала девушка.

– А то, что навряд ли их тут кто-то знает в лицо...

– Ты хочешь сказать, что идея выдать себя за них не лишена смысла?

– Именно! Единственная проблема...

Дальше Эрик не слушал. Ему в какой-то степени было приятно, что его догадка как-то помогла, но в куда большей степени он не хотел принимать дальнейшего участия в разговоре.

Вскоре Шпиль скрылся за облаками, и ночь стала совершенно непроглядной. Было решено остановиться и все-таки устроиться на ночлег. Собирая хворост, Эрик раз от раза обращал свой взгляд к тому месту, где не было видно Шпиля. В такие моменты, когда он был скрыт от взгляда Высших, крестьянину почему-то дышалось легче.

Шпиль – это странная вытянутая конструкция, извечно зависшая над горизонтом и совершающая путь вокруг небосклона каждые тридцать дней. Его серебристая поверхность была хорошо различима в темное время суток. Днем контуры Шпиля можно было увидеть лишь на самом безоблачном небе. Когда же наступала ночь, его тонкая поверхность начинала излучать серебристо-синий свет, рассеивая тьму. Шпилю часто молились путники, так как тот всегда указывал им верное направление. Другие молились не самому Шпилю, а Высшим – древним богам-волшебникам, которые, согласно легенде, воздвигли его до начала времен. Это был их храм, их цитадель. С него они неустанно наблюдали за людьми и осуждали их за неблагие поступки. Шпиль был единственной дорогой в царство мертвых, и после смерти каждый должен был предстать перед Высшими и их бесстрастным судом.

Эрик всем сердцем надеялся, что последние пять-шесть часов у Высших было какое-нибудь важное занятие, и они смотрели совсем в другую сторону. Иначе ему придется придумать всему тому, что он натворил, серьезное оправдание. Пока никаких путных мыслей на этот счет в голову не приходило.

Томас

Спустя какое-то время, когда зарево пожара скрылось позади них, путники решили остановиться. Пока Алиса обустривала лагерь, а Эрик разводил костер, Томас наконец-то выкроил минутку, чтобы отдохнуть и немного посидеть в спокойствии. Его старые кости, хвала волшебной фляге Лэнгли, только-только успели отойти от жесткой тряски в телеге и предшествующих ей побоев, как вновь на них обрушилось испытание. Бой вымотал старика так, что он смог встать лишь с великим трудом и посторонней помощью. Его несчастная спина ныла уже тогда. То, что с ней сотворили эти несколько часов в седле, вообще не поддавалось никакому разумному описанию. Больше всего на свете Томас мечтал оказаться сейчас в теплой постели, в какой-нибудь гостинице. В былые годы он обычно добавлял к этой мечте крутобедрую девицу, но теперь, в седилах, из всего связанного с постелью, что его интересовало, – это крепкий сон на мягкой перине.

Дабы не казаться своим спутникам лентяем, он, отдышавшись, начал обшаривать сумки. Спустя совсем недолгое время на лице Томаса проступила хитрая улыбка. Хорошо, что именно он занялся этим делом. В каждой сумке, в каждом мешочке, в каждой шкатулочке – везде было двойное дно. Наметанный глаз старого вора тут же подмечал несоответствия и странности, находил искусно скрытые карманы. Где-то в шов была запрятана игла, Томас не сомневался, смазанная ядом. Где-то под каблуком прятался маленький ключик. Где-то в мягкой подкладке прятались плотно свернутые листы дурман-травы. Старик обнаружил по меньшей мере сотню золотых перстов – монет, принятых к обращению в гегемонии Многоречья, а еще целый ворох различных документов.

– Я, кажется, знаю, почему они нас атаковали... – произнес он задумчиво, скорее самому себе.

– Потому что у тебя на роже написано, что никакой ты не стражник? – ухмыльнулась Алиса, ставя котелок на костер.

– Потому что это не простые ребята, – пояснил вор, – а такие, которым проще убить человека, чем выдать ему какую-то информацию. Скорее всего, никто не должен был знать, что они ночуют именно тут.

– Лэнгли знал, – вставил свое слово Эрик.

– Вот именно. Возможно, они знали, что он знает.

– А не слишком ли это все сложно? – Девчонка, пожалуй, относилась к его словам с определенной долей скептицизма.

– Поверь мне, человек, который носит с собой *такое*, – старик продемонстрировал иглу, – склонен все усложнять.

– Что это?

– Это игла... – пояснил Томас. – Одного ее укола хватает, чтобы человек тихо помер минуты за три. Такими редко убивают других, гораздо чаще... себя.

Эрик бросил на иглу такой взгляд, что стало понятно: у крестьянина от одного ее вида беспокойно на душе. Томас зажал иглу меж пальцев и со щелчком отправил ее в полет куда-то в сторону леса.

– По нужде в ту сторону не ходить, – улыбнулся он.

– Что еще ты нашел? – спросила Алиса. В ее голосе хоть и была уже привычная надменность, теперь появились нотки уважения.

На свет показалась пачка бумаг. В ней было три путевых паспорта. Такие документы выдавались торговцам и путникам, которые собирались в дальний путь, – как правило, знатым особам или их приближенным. В них указывались имена и социальный статус владельцев, а также прочая информация, важная для разного рода бумагомарак. Конкретно эти три паспорта, судя по печати, были выданы в далеком южном Многоречье. Томас вдруг вспомнил те чудные ночи, что он провел на узких улочках речной столицы, гуляя по бесконечным мостикам и меж высоких каменных домов, чтобы затем встретить рассвет на крышах города.

Тогда, в погоне за сердцем дочери одного из правителей города, вор почти забыл, что был в Многогоречье ради его казны.

Первый документ гласил: «Сэр Эдмунд Джерард Денерим, рыцарь, чемпион турниров при Четырехустье, Златокопье и Орлином Ключе, носитель печати гегемона Многогоречья». Печать была красного сургуча, и из нее свисали три тонкие голубые ленточки – свидетельство высокого положения его владельца в обществе.

– Смешно, – коротко и жестко сказала вдруг Алиса, – мужик он, конечно, был крупный и сильный, но в турнирах не участвовал. Шрамов у него нет.

Томас лишь на секунду засомневался в ее словах, а затем вдруг осознал, что, скорее всего, девчонка, коли уж она и принадлежит к какому-то аристократическому роду, могла кое-что смыслить в турнирах. Вполне вероятно, она даже помогала выхаживать раненых на соревнованиях мужчин.

Другие два паспорта были куда проще, а содержание их – короче.

«Феон-Луис Арчи, эсквайр», – гласил первый.

На втором было лишь имя: «Кристина Арчи», но к нему прилагалось свидетельство о браке. В кипе бумаг имелись и другие документы, но рассматривать их все в свете костра не было никакого смысла.

– Я так понимаю, нам предстоит какое-то время выдавать себя за этих людей? – то ли спросила, то ли подытожила Алиса.

– Думаю, что без этого нам уже не обойтись.

Девушка потянулась над костром и забрала у старика паспорт Кристины.

– Кем будешь ты, – вор обратился к Эрику, – рыцарем или его сквайром?

Крестьянин какое-то время непонимающе смотрел на него, а затем изрек:

– Ну какой я, к Скверне, рыцарь?

– Нет, нет, – Алиса покачала головой, – я, конечно, не слышала о турнирах, где наш мертвый друг стал чемпионом, но они не могли проходить больше чем пять лет назад, это точно. Ты уж прости, Том, но, будь ты рыцарем, твои турниры кончились бы лет эдак десять – двадцать назад.

– Логично, – согласился старик и взглянул на парня.

– Я не... я же... – Крестьянин быстро переводил взгляд с Томаса на Алису и обратно, ища хоть в ком-то из них поддержки. Похоже, он понял, что ему предстоит. – Я же не могу быть рыцарем! Я же... я же даже читать не умею! Да и оружие! Рыцари носят оружие, а я, окромя колуна да молота, ничего не знаю! Да вы что!

Он вскочил с места и начал ходить из стороны в сторону, запуская пальцы в нечесанные волосы. Лишь спустя несколько минут он наконец-то успокоился и остановился возле костра.

– Так что, – спросила его Алиса, – ты согласен?

– Пацаны мои, когда узнают... что папка их рыцарем хоть один денек побывал, да настоящим мечом помахал... – Он улыбнулся как-то глупо и сел обратно. – Да они же обалдеют. Мужики потом все меня на смех поднимут...

Томас хмыкнул. Похоже, парень не понимал, что больше никогда не увидит своей семьи...

Они поужинали припасами убитых путников – вяленые мясо и овощи с зерном разварили в котелке. Томас предложил добавить специй, которые обнаружились в небольшой деревянной шкатулке. В ней было с сотню маленьких отделений, которые содержали разнообразнейшие травы и бутылочки, но Эрик, принявшись к ним, сообщил, что лучше эту шкатулку убрать подальше. Никто не стал с ним спорить. Похлебка получилась довольно пресной, но от этого не менее вкусной. Беглые каторжники были всем сердцем рады даже такой простой еде. Краюху каторжного хлеба разрезали коротким ножом сквайра, так же

поступили и с сыром. Котелок передавали по кругу, и когда Томас поел, он откупорил один из кувшинов с вином. Жидкость была кислой, неприятной на вкус и вязала язык, но это было лучшее, что он пил за много недель.

Первым доел крестьянин – он так орудовал ложкой, будто это была его последняя трапеза. Старику приходилось все тщательно прожевывать. Зубы у него все еще были хорошими, а вот пищеварение – паршивым.

Эрик протянул руки к огню и начал негромко насвистывать себе под нос какую-то мелодию. Внезапно для всех Алиса улыбнулась и начала тихо подпевать. Голос у нее был нежным, не в пример ей самой. Томасу понадобилась пара куплетов, чтобы тоже вспомнить песню. Он тоже улыбнулся. Это была старинная баллада «Гимн Беглецов».

Закончив нехитрую трапезу, старик лег спать поближе к костру, прячась от прохладного ночного ветра в шерстяное одеяло. Его примеру последовал и крестьянин, который, похоже, нуждался не столько в физическом отдыхе, сколько в духовном. Аристократка осталась дежурить. В иное время вор постарался бы не спускать с нее глаз – девчонка была слишком себе на уме, – но сейчас у него попросту не было сил. «Если она и прирежет меня во сне, – подумал он, – то я хотя бы отойду в мир иной отдохнувшим».

Проснулся Томас, когда в ветвях деревьев уже заиграли первые лучи солнца. Алиса спала на противоположной от него стороне костра, прижимая к себе меч в ножнах. Эрик же сидел рядом, опустив голову на грудь и тихонько похрапывая. Видимо, он сменил девушку на дежурстве, но отсидеть положенных часов не сумел.

Старик лишь улыбнулся и медленно встал. Кости его ныли, но уже не так страшно, как вчера. Не став будить своих компаньонов, он отправился в лес, чтобы слегка размяться. Ни ягод, ни грибов в лесу не нашлось, зато в небольшом отдалении от их лагеря обнаружилась речушка, скорее даже ручеек. Встав на колени, он зачерпнул ладонями холодной воды из потока и отпил. Вода обжигала, как та, что он пил из фляги Лэнгли, и подобно ей уносила боль. Сделав еще несколько глотков и умывшись, Томас вдруг осознал, что этот ручеек – один из многочисленных притоков большого Кретчийского озера. Сам поток был чист и невинен, но озеро, в которое он впадал, чувствовалось старику совсем иным. Он не мог ни понять этого чувства, ни даже описать его, но почему-то знал, что и озеро, и город, стоящий на нем, очень сильно изменились за последние годы, наполнились тьмой и злобой, страданиями и горем. Ему стало не по себе от этого ощущения, и он, набрав флягу, решил поскорее вернуться в лагерь.

Внезапно что-то зашевелилось на другом берегу ручья, в кустах. Томас пригляделся и увидел маленькое существо с глазами цвета янтаря. Заметив взгляд человека, существо тут же шмыгнуло глубже в заросли. Ему не удалось рассмотреть животное, но ничего подобного старик точно еще не видел. В любом случае оно было слишком маленьким, чтобы представлять серьезную опасность.

Когда Томас вернулся, все уже проснулись. Алиса доедала остатки вчерашнего пиршества, а Эрик возился с бритвенным набором. Томас присоединился к нему, естественно сообщив всем об обнаруженном источнике воды.

Пока девушка отправилась искупаться, мужчины решили побриться. Парень выбрился начисто и еще подрезал свои волосы, а старик все же решил оставить усы и небольшую бородку. Седые космы он расчесал и собрал тонким кожаным шнурком на затылке.

Старые вещи, взятые с мертвых стражников и возницы, отправились в костер и на дно реки. Новые же – запасные вещи убитых путников – оказались всем впору. Одежда эта была по последней моде Многогоречья, по крайней мере так утверждала Алиса. На каждом элементе наряда имелось по сотне застежек, шнурков и ремешков, которые позволяли с легкостью подогнать их по размеру хозяина. Конечно же, прежде чем девушка и парень решились прикоснуться к одежде, старик проверил каждый шов на наличие ядовитых игл.

Эрик, как оказалось, не испытывал антипатии к вещам, принадлежащим мертвецам, – только к тем, что были на них надеты в момент смерти. Они с Томасом разделили меж собой две пары запасных сапог сквайра и его одежду. Старик облачился в короткую кожаную куртку для выездки, а парню достался тонкий сюртук бежевой ткани, который явно носил куда более официальный характер. Поверх сюртука девушка навесила ему несколько защитных пластин, имевших, похоже, декоративный характер. Рыцарский перстень сэра Денерима был чрезвычайно массивным даже для крупных рук Эрика, и тому пришлось надеть его поверх кожаной перчатки.

Алисой из женской одежды отобраны только рубаша и корсет. Юбка была отринута в пользу мужских кожаных штанов и ботфуртов – иначе как бы ей скакать на лошади? Дополнял это все тяжелый шерстяной плащ с кожаной накидкой и глубоким капюшоном, который, если бы не шнуровка, висел на девушке мешком.

Доспехи, отчищенные Алисой за ночь от крови и грязи, было решено убрать поглубже в сумки. Характерные вмятины на них могли навести на ненужные мысли, да и к тому же носить их из всей тройки не смог бы никто.

Собрав лагерь, они выдвинулись в путь.

Глава 2 В тумане

Баррик

Баррик Хайн смотрел на внука и никак не мог понять, что творится у того на душе. Парень был одновременно мрачен и возбужден, все время смотрел куда-то в окно, выходящее на старый город. По улицам со стороны озера медленно плыл туман. Смешиваясь со смогом индустриальных районов, он образовывал странную неестественную дымку, будто обладающую своей собственной жизнью. Сквозь эту серо-желтую пелену не было видно почти ничего, лишь смутно прорисовывались очертания ближайших домов. Но казалось, Сэм наблюдает через окно за чем-то очень важным, словно видит какое-то движение в тумане и хочет понять – что же это такое. Такой взгляд когда-то был и у его матери...

Они с внуком виделись нечасто. Сэм работал в порту и ложился спать глубоко за полночь, просыпаясь чуть ли не к восьмому часу утра. Такая роскошь была непозволительна его деду-садовнику. Чтобы ухаживать за растениями, нужно было просыпаться раньше, чем они, а значит – раньше солнца. Лишь изредка им двоим удавалось поужинать вместе. Сейчас как раз был один из таких вечеров. Мужчина преломил хлеб и передал краюху парню. Тот наконец отвел взгляд от окна.

– Спасибо, – сказал Сэм коротко, затем добавил: – Приятного аппетита.

– Как дела на работе? – поинтересовался Баррик, отхлебывая наваристого горохового супа из миски.

– Все так же. Ничего нового. Корабли приходят и уходят, мы их разгружаем и загружаем. Деньги обещали к середине недели.

– Хорошо.

– Опять немного... – пожаловался парень.

– Нам много и не нужно. – Голос деда похолодел. Он знал, какой разговор сейчас опять начнется.

– Ребята в порту говорили об особой разгрузке, для лорда Немезира...

– Никакой он не лорд! – выпалил мужчина и помахал ложкой. – Лорды были в старые времена, а эти – одни самозванцы.

– Потихе, или хочешь, чтобы за тобой пришли серые плащи? – Сэм рассмеялся. Для него плащи были просто страшилкой.

– Замолчи. Ты не пойдешь работать на этого проклятого вулуза. Пока я жив – не пойдешь.

– Но... – попытался спорить внук.

– Ты хоть представляешь себе, *что* они там перевозят? Колдунство всякое, контрабандную соль! Вот что. И ты знаешь, что тебе нельзя прикасаться к ней. Ведь знаешь? Мне ведь не нужно напоминать тебе, что случилось с твоей матерью?

– Да, дедушка. – Парень потупил взгляд и теперь смотрел на содержимое своей тарелки.

Кажется, на какое-то мгновение перед старым садовником опять сидел его юный внук, совсем еще маленький мальчик. Но на самом деле те времена давно прошли. Теперь перед ним сидел высокий и красивый молодой мужчина, а вовсе не дитя.

– Если ты хочешь зарабатывать больше, я могу устроить тебя в один из садов. Я уже со всеми не справляюсь. В посольство Гершена завезли семена пламецвета. Я посадил их на прошлой неделе, и уже показались первые ростки. Ты сам знаешь, какого ухода они требуют... может быть, мне поговорить с госпожой Амирой?

Сэм какое-то время молчал, а затем ответил будто не своим голосом:

– Думаю, можно попробовать.

– Это, конечно, не сад Фейрфакса...

– Вот именно! – выпалил Сэм, а затем, вдруг поняв, что поднял голос на деда, встал из-за стола и направился в свою комнату, на чердак. Остановившись на полпути, он произнес, даже не повернувшись к Баррику: – Прости.

Лишь когда захлопнулась чердачная дверь, садовник понял, какую страшную ошибку он совершил, понял, как оскорбил внука. Было сложно в это поверить, но мальчик до сих пор страдал из-за тех страшных событий, что произошли четыре года назад... Похоже, одно лишь название замка отозвалось болью в его душе.

Баррик так и не узнал, как погиб его сын. Он так и не узнал, почему на следующий день после этого им приказали покинуть замок. Тогда в это было невозможно поверить – их семья следила за садом Фейрфакса много поколений. Баррик был уверен, что мальчик знал, что тогда произошло. Но почему-то до сих пор он не рассказал ему. Возможно, именно поэтому слова о замке так обожгли Сэма.

Закончив ужин, Баррик убрал со стола, закрыл ставни, чтобы смог, уже поднявшийся на уровень второго этажа, не проникать в дом, и вдруг понял, что не сможет сегодня уснуть. Что-то внутри болело. Его мучил необъяснимый страх.

Послышался скрип на крыше дома. Баррик вздрогнул. Затем скрип повторился на внешней стороне стены, но после этого все стихло.

Баррик взял со стола одну из зажженных свечей и направился к комнате внука. На него вдруг нахлынуло беспокойство.

Что, если Сэм сбежал? Что, если он покинул дом, как когда-то сделала его мать, чтобы больше никогда не вернуться? Вдруг он тоже что-то почувствовал, и теперь...

– Я должен попросить у тебя прощения, – произнес он тихо, даже не надеясь, что внук его услышит. – Мне не стоило...

Дверь отворилась, и Баррик заглянул в комнату. Ему показалось, что там было пусто, и сердце его больно кольнуло. Но вот дрогнуло пламя свечи и неровным светом очертило силуэт юноши. Он стоял посреди комнаты и читал что-то написанное на клочке бумажки. Читал в полнейшей темноте. Показался и второй силуэт – черный ворон переминался с лапки на лапку, стоя на столе. Завидев Баррика, ворон крикнул и взмахнул своими широкими крыльями. Неожиданно мощный поток воздуха задул свечу, и когда садовник вновь зажег ее от спички – птицы уже не было, так же как и записки в руках внука.

– Что это было? – спросил Баррик.

– Ты бы мог устроить меня на работу в особняк Гирхарт? – вместо ответа спросил внук.

Садовник на секунду задумался, а затем произнес:

– Думаю, да...

– Завтра.

– Я даже не знаю...

Странное поведение внука пугало его.

– Завтра у меня свободный день, и я бы хотел поработать в саду, – вдруг произнес Сэм совсем другим голосом, спокойным и простым. – Я слышал, что особняк вновь заселили. Ты можешь мне помочь туда устроиться?

Баррик улыбнулся. Ну наконец-то его мальчик набрался ума-разума.

– Ну конечно.

Алиса

Озера они достигли только к вечеру. О приближении к воде возмещал густой туман. Его белое марево поднималось где-то вдалеке и постепенно, по мере движения, обволаки-

вало путников со всех сторон. В какой-то момент Алиса поняла, что дымка простирается не только впереди, но уже и позади их маленькой группы. Воздух был горячим и влажным. Туман становился все гуще и даже окутывал ноги лошадей. От каждого их шага он приходил в движение – клубясь, извиваясь и вновь успокаиваясь. Как до этого исчезли очертания деревьев и небеса, исчезла и дорога, от нее остался лишь цокот копыт по старинной брусчатке. Вокруг царил туман и то странное свечение, что источала его неосязаемая поверхность.

В какой-то момент, когда Алисе уже начало казаться, что мир вокруг перестал существовать, впереди замаячил одинокий огонек фонаря.

– Бродячие огни, – буркнул Эрик, – пытаются завести нас в гиблое место.

– Давно мне не приходилось слышать такой глупости, – фыркнула девушка, хотя где-то внутри она с большим трудом смогла подавить испуг.

Постепенно, по мере их приближения, в тумане начали прорисовываться силуэты построек. Наверное, с дюжину косых избушек будто выросли тут из-под земли, уже покосившиеся и покрытые мхом. Алисе приходилось и до этого видеть нечто подобное – заброшенные рыбацкие деревни все на одно лицо. Даже несмотря на все старания ее отца, последние годы были очень тяжелыми для его подданных. Теперь же, после того, что случилось... все, должно быть, стало еще хуже...

Где-то вдалеке гаркнул ворон, отвлекая аристократку от мрачных мыслей. Она бросила взгляд в сторону бродячих огней и обнаружила странного вида конструкцию, пришвартованную к каменистому берегу. Судя по всему, это и был паром. Большой газовый фонарь располагался на его борту. Яркий и ровный свет разгонял туман и резко очерчивал все детали. Паром был большим, сбитым из грубых досок и тонких листов железа. От лампы к баллону с надписью «Газ» тянулся шланг. Еще один шланг шел от баллона к двигателю. Конструкция парома была гротескной. Нельзя было понять, где у него нос, а где корма. Все было покрыто грязью, копотью, тиной, маслом, какими-то бурыми пятнами... да и вообще лишь-Высшие-знают-чем.

Лэнгли возился с какими-то ящиками, перетаскивая их то ли на борт, то ли на берег. Он все так же был облачен в свою поношенную шинель.

– Как добрались? – спросил он вместо приветствия.

– Бывало и лучше, – чуть ли не простонал Томас. День в седле, похоже, доконал деда.

Лэнгли беспечно откинул ящик в сторону, и тот, ударившись о землю, раскололся. Складывалось впечатление, что с грузом он возился чисто ради развлечения, и сейчас оно ему наскучило. Жестом он предложил всем взойти на борт. Алиса и остальные спешили и, взяв лошадей под уздцы, последовали за своим новоявленным нанимателем. На борту было достаточно места и для людей, и для их скакунов, и даже для мула, которому Эрик дал весьма своеобразное имя – Морковка. Как оказалось, единственное, что приводило животное хоть в какое-то подобие радостного возбуждения, был вид самой обычной моркови.

Привязывая свою лошадь, Алиса следила за Лэнгли. Его движения, когда мужчина возился с двигателем, были уверенными – он явно знал, что делает. Но почему-то Алиса знала, что и сам паром, и весь груз – ему не принадлежат. Быть может, эти бурые пятна на досках – все, что осталось от предыдущего владельца? Девушка не знала, чего ожидать от их нанимателя, но для себя она решила, что не повернется к нему спиной и всю поездку будет держать руки на оружии.

Когда Лэнгли таинственными движениями запустил двигатель, тот сначала рыкнул подобно горному льву, а затем заурчал, будто котенок. Лошади испугались и попытались встать на дыбы, лишь мул сохранял свое неколебимое спокойствие.

Испугался и Эрик.

– Это еще что такое? Что это за колдовство?! – воскликнул он.

– Парень, ты никогда не видел мотора? – улыбнулся Томас.

Эрик попытался изобразить, что понимает, о чем идет речь.

– Изобретение местных умельцев, – снисходительно пояснил Лэнгли, направляя паром от берега, – газ добывают в Гершенских болотах, а сюда привозят реками в обход гор. С его помощью крутится турбина, и лодка плывет.

– Как ветер и мельница? – Крестьянин нахмурился.

– Какое удачное начало разговора! – Лэнгли хлопнул в ладоши. – Вот именно об этом я и хотел поговорить с вами.

– О том, что наш друг не видел никогда мотора? – спросил Томас.

– А ты видел? – парировал Лэнгли.

– Когда-то давно – да... но он работал на угле.

– Я тоже видела угольный мотор... то есть паровой двигатель, – вставила свое слово Алиса.

– Там, откуда вы родом, подобных вещей нет... и быть не должно. Здесь же их навалом. – Лэнгли сел на один из ящиков, старик и крестьянин устроились напротив него, Алиса же встала поодаль. Он продолжал: – Все новые технологии, будь то огнестрельное оружие или газовый двигатель... все они пришли отсюда, из Кретча.

– Это как-то связано с тем, что делаем тут мы? – спросил Томас.

– Непосредственно. – Лэнгли щелкнул пальцами. – Сейчас я все объясню. Технологии всегда развивались в Кретче быстрее, чем в остальных местах. Я бы сказал, это оттого, что город всегда имел свойство привлекать умельцев и гениев. Тут впервые появилось множество изобретений, которые сейчас в ходу и в других метрополиях и баронствах. Например, газовое освещение улиц... – Лэнгли немного запнулся на этих словах. – Последние годы, как раз с начала правления архонта Нолана Гамельского Второго, технологии стали появляться как грибы после дождя... или как ростки на пепелище сгоревшего леса...

– Это никак не отвечает на мой вопрос, – нахмурился старый вор.

– Я еще не закончил. Пару лет назад в городе стали происходить загадочные убийства. Тогда этому никто не придавал особого значения, но в последнее время они участились. Стали погибать важные люди. В результате архонт впервые выступил на публике и пообещал, что с убийствами будет покончено. Для этого он нанял троих детективов из Многогребья, учеников знаменитого охотника за головами Мейса.

– Так это их мы... убили? – ужаснулся Эрик.

– Не их. – Томас покачал головой. Он, похоже, понимал, к чему клонит Лэнгли.

– Конечно, это были никакие не детективы. Да и знаменитый Мейс тут ни при чем. – Лэнгли развел руками. – Есть силы, которые не захотели упустить этот шанс, чтобы подбросить к архонту. Вы убили троих шпионов, которые собирались выдать себя за детективов.

– Это сложновато для меня. – Алиса потеряла виски.

Застучало в двигателе, и Лэнгли отвлекся на какое-то время.

Старик, девушка и парень переглянулись. Их диалог был молчалив, но всем сразу все стало ясно. Алиса была против сомнительного предложения Лэнгли, Томас, казалось, заинтригован, а Эрик не понимал ровным счетом ничего, но ему уже ничего и не оставалось, кроме как играть предложенную партию и идти за всеми.

Алиса медленно потянулась к ножу, вытащила его из ножен, но тут наткнулась на холодный взгляд Томаса. Сейчас был идеальный момент, чтобы атаковать Лэнгли, но старый вор покачал головой. В его взгляде девушка увидела и осуждение, и холодную уверенность. «Мы выслушаем его до конца», – будто говорил он, но убирать клинок девушка не стала.

– Отрежешь себе? – Эрик протянул ей солидный кусок вяленого мяса.

Алиса опешила от такой неожиданной смены настроения. Взяв свободной рукой за край предложенного угощения, она отрезала от него треть. Эрик отвернулся от нее и пред-

ложил мясо Томасу. Тот сначала взглянул на него с аппетитом, но затем отказался. Ему, кажется, все еще было нехорошо от дневного похода. Как раз в этот момент к ним вернулся наниматель. Эрик совершенно спокойно протянул мясо ему. Лэнгли улыбнулся, и в его руке появился небольшой метательный нож. Откуда взялся этот блестящий кусочек металла, Алиса так и не поняла, он просто появился в руке мужчины. Острое лезвие прошло сквозь мясо, как сквозь воздух, и вновь исчезло, а его владелец опять уселся на ящик.

– Вам надо пробыть в шкуре детективов всего полгода. Поищите убийцу, необязательно слишком усердно, разузнаете о том, на кого работали детективы, может быть, выполните кое-какие мои поручения. Я плачу десять золотых ликов за оборот Шпиля, – сообщил он, откусывая кусок мяса.

– Двадцать. – Томас откупорил кувшин вина, наниматель кивнул. И старик добавил: – Каждому.

– Плюс к тому я обеспечу вам безопасность от преследования. Ни один из ваших портретов не попадет в город, пока вы работаете на меня.

– Пока работаем – да. – Алиса ткнула в сторону Лэнгли пальцем. – А что потом?

– А потом я позабочусь, чтобы вы могли вернуться к своей нормальной жизни... или начали новую. Вы сами понимаете, какие деньги и какая власть стоят тут на кону. А с деньгами и властью нет ничего невозможного.

– Нам предстоит выдавать себя за детективов, – начал суммировать Томас, – и еще за шпионов... а кроме того, шпионить для тебя?

– Так точно.

– Какие же из нас детективы? – вздохнул Эрик.

– Такие же, как из тебя рыцарь. – Алиса наконец нашла в себе силы улыбнуться.

– Не совсем, – вдруг заявил Томас, – я много лет был по ту сторону баррикад от разного рода сыщиков. Если бы их методы работы были мне незнакомы, я попался бы куда раньше... Так что с этим проблем нет. Но я хочу знать, против кого мне предстоит работать. Кто послал этих шпионов?

– Я мало знаю о нанимателях тех троих бедолаг, – пожал плечами Лэнгли. – Все, что мне известно, – это то, что зовут себя они черными лампами...

И с последними словами Лэнгли ветер вдруг пришел в движение, разгоняя туман. Внезапно в ночи засверкали сотни, даже тысячи огней – все еще скрытые дымкой, они пылали подобно звездам. Это были огни города – свет окон и уличных фонарей. Со стороны озера были видны причал и торговая площадь, сейчас почти опустевшая. За ней улицы поднимались на холм, и можно было хорошо рассмотреть дома – высокие и узкие, сложенные в основном из камня и кирпича, а иногда из темно-красного гамельского дуба. На многих домах были вывески, а значит, жил в этом районе люд ремесленный или торговый. Огни поднимались и выше, растворяясь в остатках тумана и ночи. Их было так много, что становилось ясно – видна лишь малая часть этого величественного города.

По правую руку от рыночной площади возвышалось грандиозное строение серого камня, с прямоугольными, будто рублеными, башнями. Ощетинившаяся сотней пушек, эта махина была здесь, чтобы защитить от возможного вторжения устье реки, ведущее на север, в глубь города.

– Форт Мейсер, – сказал Лэнгли, уловив взгляд Алисы, и направил паром вверх по реке.

По правому борту в темноте вырисовались очертания строений не менее внушительных, но, конечно, не таких величественных, как форт. Это были здания красного кирпича, без видимых окон. Вместо пушек тут были трубы – вздымающиеся в небеса и смотрящие в реку. Те, что торчали вверх, извергали клубы дыма, а те, что шли параллельно земле, выливали в реку зловонные отходы. Запах был резким, он проникал в горло и оставался в нем

едким осадком. Алиса прикрыла нос рукавом. По мере их движения запах становился только сильнее. Даже туман тут менял свой цвет. Он становился то ли желтым, то ли зеленым.

Левый берег реки, по которому они сейчас поднимались, представлял собой гранитную набережную, когда-то, наверное, бывшую прекрасной. Сейчас на ней громоздились уродливые склады и какие-то технические здания. Бронзовые головы львов на искусственном берегу уже почернели, а местами вместо них зияли проломы.

– Индустриальный район, – Лэнгли указал направо, а затем налево, – и Старый город.

Вскоре и заводы, и склады оказались позади. Паром прошел под массивным каменным мостом и оказался перед устьем реки. Здесь туман был все еще в полной силе, и разглядеть берега было невозможно. Лэнгли направил паром по левому протоку, и в этот момент перед ними в тумане замаячил огонек. Совсем скоро во мгле проявились очертания небольшой весельной лодки. Та, груженная какими-то ящиками, двигалась им навстречу. В ней находился всего один человек.

Эрик тем временем был буквально зачарован работой мотора, а Томас, кажется, задремал. Только Алиса и Лэнгли видели человека в лодке. Тот был на веслах и сидел к ним спиной. Когда же их посудина приблизилась к лодке, мужчина обернулся.

Его глаза – один черный как смоль, а второй белый как жемчуг – буквально впились в душу Алисы. Она с ужасом смотрела на его опаленное, изуродованное огнем лицо и не могла отвести взгляда. Правая сторона этого человека была нормальной – он был немолод и по-своему красив. Но вся левая сторона его тела – не только лицо, но и рука, а возможно, и торс – была покрыта грубыми серыми шрамами и рывтинами. Быть может, Алисе это только показалось, но от опаленной кожи исходил пар, будто старые раны до сих пор объаты огнем.

Когда лодка, а с ней и опаленный человек исчезли в тумане, Алиса еще какое-то время смотрела им вслед.

– Ночь Цветов породила его, – вдруг сказал Лэнгли.

Алиса вопросительно посмотрела на него.

– Укрощенный людьми огонь взбунтовался. Все газовые лампы, подключенные к магистрали, начали взрываться, расцветая огненными цветами. В ту ночь погиб старый архонт... и половина города. Погибла и эта несчастная душа... Высшие отняли у него жену и двоих детей, но сохранили жизнь. Он получил свои ожоги, спасая их из огня. Бедный Ричард, он даже не знал, что к тому моменту они уже задохнулись дымом. Смерть пришла к его близким во сне. Высшие спасли их от боли, чего нельзя сказать о нем самом. Огонь забрал у него все, а остального он лишил себя сам...

– Вы знали его? – робко спросила Алиса, впервые за долгие месяцы борясь со слезами.

– Когда-то он был капитаном городской стражи. Многие тут знают его историю.

Алиса хотела что-то сказать, но в этот момент паром остановился, пожалуй, слишком резко, и она чуть не упала, еле удержав равновесие.

– Подъем! – объявил наниматель. – Прибыли!

Эрик тут же вскочил на ноги, а Томасу понадобилось какое-то время, чтобы сбросить с себя оковы старческого сна.

Паром расположился возле набережной, которая в этом месте спускалась к воде. Лэнгли отошел от мотора, после чего быстро и ловко пришвартовался, используя трос.

– Вам нужно идти по Белой улице до Ремесленной площади, – произнес он, активно жестикулируя. – Пересечете ее и продолжите идти на запад, по Большой Гершенской. Там, почти у ворот, вы найдете постоянный двор «Отдых колдуна». У них есть конюшни и теплые постели. Пospите, наберитесь сил. Через пару дней я с вами свяжусь.

– Где наш задаток? – прокряхтел старый вор, поднимаясь на ноги.

– Ах да, конечно! – Лэнгли кисло улыбнулся, протягивая ему кошель с монетами. – Тут хватит на первое время.

Эрик уже отвязал лошадей, и, взяв их под уздцы, все сошли на берег. Морковка сам, без какой-то указки последовал за всеми.

Когда все сошли на берег, Лэнгли спешно отшвартовался и вскоре скрылся в тумане.

– Так что, мы остановимся в этом... «Отдыхе колдуна»? – спросил Эрик.

Томас широко улыбнулся:

– Ну конечно же... нет...

Сэм

Смог окутал Сэма, пока он двигался по Змеиному переулку. Даже ранним утром вонючий туман не отпускал этот, наверное, худший район в городе. Тут на месте пепелища, возникшего после Ночи Цветов, вырос город-лабиринт, ныне населенный вулузами, кельдами и прочими иноземцами. Воры, проститутки, попрошайки и убийцы – это был их дом, и показываться здесь было чревато. Но юноша не боялся возможных грабителей. Он был молод, высок, плечист и невероятно силен. А самое главное – он знал о своей силе. Работая в порту, Сэм поднимал такие тяжести, которых другие и вчетвером от пола не оторвали бы. Не единожды к нему приходили люди и предлагали разного рода темную работенку, порой весьма настойчиво, но каждый раз он отказывался. Так было до прошлой недели, когда к нему за помощью обратился некий Лэнгли. Тому нужен был человек, сторонний криминальному миру, да такой, что смог бы прикрыть ему спину на важных переговорах. Этим человеком и стал Сэм. Он бы отказался от подобного заработка, но Лэнгли предложил ему не деньги, а нечто, от чего отказаться было нельзя. Он предложил ему информацию, ту, что парень искал вот уже четыре года. Сделка была заключена, а тем же вечером семеро мордоворотов получили по заслугам за попытку нарушить свою часть сделки. Четверых взял на себя юноша, а троих – его наниматель. Встреча окончилась именно так, как тот и ожидал. Но зачем ему были нужны отчеты о перевозке заключенных в прилегающих регионах – так и осталось загадкой.

– Тебя ждет великое будущее, – проговорил он, похлопывая Сэма по плечу.

Лэнгли исчез, так и не дав ответа на волновавший Сэма вопрос. Тогда он решил, что его обхитрили, но сегодня ночью, после ужина, в его комнату влетел ворон. Он принес записку, в которой была всего одна короткая строчка: «14 по Большой Гершенской, особняк Гирхарт, второй этаж, бежевая комната». Именно то, что ему обещал наниматель.

Сэм оставил записку у себя в комнате – в тайнике под половицей, а адрес запомнил. Сейчас он шел туда кратчайшей дорогой. Лишь единожды он столкнулся взглядом с кем-то из местных, но тот, завидев серп на поясе юноши, правильно рассудил, что лучше с ним не связываться. Со стародавних времен простому люду было запрещено носить оружие, и каждый ремесленник учился пользоваться своим инвентарем, чтобы защитить семью. Такова была традиция. Даже на войну порой ополченцы шли с вилами да топорами. Мясники владели ножами, кузнецы – молотами, и все это было грозным оружием в умелых руках. Садовники, травники да пахари обучали своих сыновей тому, как драться с серпом и косой. Кому-то это оружие могло показаться и не очень-то опасным, но Сэм знал, какая в нем скрыта сила. Его собственный серп был выкован из толстой закаленной стали. Когда-то он принадлежал его дяде и был подарком от самого архонта Кретчийского за годы верной службы.

Змеиный переулок оказался позади, и, выйдя на Ремесленную улицу неподалеку от котла ткачей, юный садовник направил свои стопы в сторону Скалы, к Ремесленной площади и Большой Гершенской улице. Немного поразмыслив, он свернул на Малую Гершенскую и преодолел остаток пути переулками. Выглянув из-за каменной стены одного из домов, он наконец увидел свою цель. Особняк Гирхарт – старое здание, пустовавшее

почти круглый год. Лишь изредка архонт предоставлял его уважаемым гостям города и их делегациям. Дом располагался на возвышенности, в непосредственной близости от Скалы. Это был трехэтажный особняк с садом и несколькими постройками.

Сэм быстро пересек Большую Гершенскую и направился к воротам. Они были слегка приоткрыты, и возле них стоял мужчина в необычной военной форме – он был при топоре, подобно обычному разбойнику, но его торс украшала красного цвета кираса, такая, какой молодой садовник еще никогда не видел. Поверхность доспеха была гладкой, матовой, на нем не было ни отличительных знаков, ни гербов, ни каких-либо еще символов. По мере приближения Сэма к воротам рука мужчины приближалась к топору.

– Эй! Ку'да? – резко спросил он. В его голосе чувствовался акцент иноземца.

– У меня рекомендательное письмо для управляющего, – произнес Сэм, вытаскивая свиток, который ему вручил дед.

– Ре'комендательное? – Охранник, похоже, не знал этого слова.

Сэм развернул свиток и продемонстрировал его содержание. Иноземец быстро пробежался глазами по строчкам, явно не понимая текста, но затем его взгляд коснулся архонтской печати.

– Да, да, – произнес он, – *про'ходи*.

Сэм лишь пожал плечами, попытавшись изобразить что-то наподобие дружелюбной улыбки. Иноземец же всем своим видом показывал презрение в смеси с усталостью и раздражением. И правда он был чем-то обессилен. Сэм подумал – дальней дорогой. Сапоги, брюки и короткий плащ мужчины были испачканы дорожной пылью, кроме того, от него разило потом – мужским и лошадиным. Действительно, кто бы обрадовался дежурству у ворот сразу после утомительной дороги? Когда Сэм шел от ворот в сторону дома, чувствовалось, что охранник буквально буравит его затылок своим взглядом.

Впрочем, неприятная встреча тут же забылась, когда садовник оказался в родной для себя стихии. Прилегающую территорию к особняку можно было скорее назвать парком, нежели садом. Да, площадь была не такой уж и большой, но, с его точки зрения, это был именно парк. Узкие симметричные дорожки известковой брусчатки, ночью освещаемые газовыми фонарями, вели к беседкам и скамейкам. Между ними в идеальном соотношении стояли многолетние хвойные и лиственные деревья. Края тропинок обрамлял декоративный кустарник. Парк был очень небольшим, но чувствовалось, что высаживали его с любовью и настоящим мастерством. Сейчас, конечно, он находился в некоем запустении и успел немного одичать. Но если отнестись к этому маленькому мирку с должным уважением, Сэм твердо знал, можно вернуть ему былое величие. Впрочем, он пришел сюда не за этим, что бы ни говорило письмо у него под курткой.

Вскоре Сэм оказался у дома. Он быстро осмотрелся – возле парадного входа расположились телеги и лошади. Несколько человек в красных льняных рубахах переносили в дом какие-то ящики. Похоже, Сэм верно угадал насчет дальней дороги. Двое мужчин в кирасах поднимали знамя над наспех установленным флагштоком. Знамя это было под цвет их доспехов и также не несло никаких отличительных знаков. Просто кусок ткани цвета крови.

Сэм направился в противоположную от них сторону – к двери для прислуги. В любом особняке ее было легко найти по многочисленным кухонным трубам, что проступали на крыше. К слову, дыма не было. Сэм подумал, что ему может повезти и он не встретит никого из слуг.

Дверь была открыта. Он проскользнул внутрь и тут же столкнулся взглядом с пожилым мужчиной. Тот был одет в поношенный сюртук, а на его крючковатом носу красовалось пенсне. Мужчина стоял склонившись над кухонным столом и записывал что-то в большую амбарную книгу. Весь его внешний вид говорил о том, что это старший слуга в доме.

– Я могу чем-то вам помочь? – спросил он размеренным тоном, хотя в его взгляде читалось некое удивление.

Сэм выудил письмо и, пройдя по кухне, протянул его камердинеру, тот принял его и, развернув, внимательно изучил, после чего вернул юноше. На долю секунды на лице мужчины проступила улыбка.

– Сэм Хайн? Мое имя Роберто. Неделию назад, – проговорил он медленно, – я бы вас расцеловал. Внук самого Баррика Хайна в моей кухне! Видят Высшие, саду не хватало руки мастера, но теперь...

– Я понимаю... – попытался сказать Сэм, но камердинер его перебил:

– Сад вырубят, молодой человек. Уже ничего не поделать. Деревья выкорчуют и продадут на лесопилку за городом. Проклятые красные наемники... – Он вдруг нервно оглянулся, как если бы боялся, что кто-то может услышать его слова. – Я понятия не имею, чего от них хочет архонт, но теперь особняк принадлежит им. Сейчас я закончу опись и буду собирать вещи... так что... ваши услуги не потребуются...

– Вы позволите мне осмотреть дом? – вдруг выпалил Сэм то, что было у него на душе. Роберто усмехнулся.

– Я тут уже не работаю. Все решают эти иноземцы. Вы можете спросить у них. По мне, можете хоть набить карманы столовым серебром.

Парень посмотрел на пожилого мужчину с пониманием во взгляде. Он знал, каково это – отдать дому часть своей души, чтобы затем, спустя полжизни, тебя из него вышвырнули. Он хотел было произнести слова сочувствия, но вместо этого спросил:

– Где бежевая комната? – При этих словах его рука будто сама легла на пояс, ближе к серпу.

Камердинер увидел этот жест садовника, и у него, похоже, тут же возникло четкое понимание того, что сейчас произойдет.

– Наверху. Третья дверь от большой лестницы налево, или пятая от лестницы для слуг, – сказал он, закрывая книгу и направляясь к выходу.

– Девушка там? – спросил Сэм, когда Роберто проходил мимо него.

Тот лишь заглянул ему в глаза и кивнул, то ли отвечая на вопрос, то ли говоря: *«Сделай это»*.

Когда камердинер покинул кухню, юноша уже поднимался по лестнице для слуг. Оказавшись на втором этаже, он замер перед выходом в коридор и прислушался. Со двора доносился топот и гомон, но сквозь них четко было слышно, как две пары ног переминаются по скрипучим половицам в небольшом отдалении от лестницы.

Затаив дыхание, Сэм быстро выглянул за угол. Двое наемников в красном стояли у двери бежевой комнаты. Один из них смотрел прямо на него.

– Эй! Кто там? – громко сказал мужчина.

Сэм спрятался обратно и выругался про себя.

Наемники обменялись парой фраз на незнакомом языке, и тут же скрип половиц усилился – один из них пошел в сторону юноши. В этот момент Сэму стало по-настоящему страшно. Он буквально не мог дышать от напряжения, которое возникло во всем его теле. По коже прокатилась волна жгучего холода. Если сейчас что-то пойдет не так... он никогда не увидит ее.

«Катрин», – прозвучало в его голове имя.

В ту ночь, когда ее забрали, он не мог помешать – внук садовника был всего лишь четырнадцатилетним мальчишкой. Теперь, когда он стал мужчиной, Сэм верил: никто не сможет помешать ему забрать ее обратно.

Он шумно вдохнул воздух и вышел из-за угла, выпрямившись в полный рост. В его руке сверкнул острый серп.

В руках наемника блеснуло лезвие топора.

Сэм выдохнул со звериным рыком и дернулся вперед. Лезвие его оружия легло на топорще, и он увел удар в сторону. Выпад получился неожиданным, и враг на секунду растерялся. Пользуясь этим замешательством, Сэм со всей силы ударил наемника свободной рукой. Тот отшатнулся и тут же получил удар ногой сбоку под колено. Туша в кирасе повалилась на пол.

В это же мгновение Сэм столкнулся взглядом со вторым мужчиной и с дулом его пистоля. Раздался выстрел.

Сквозь жар горящей в нем ярости и холод охватившей его решительности Сэм почувствовал удар, но боли не было. Расстояние между ним и вторым врагом исчезло в доли секунды. Пока наемник тянулся за своим топором, на его шею уже легло лезвие серпа. Садовник не собирался его убивать. Он уперся локтем ему в грудь и прижал к стене. Их взгляды встретились будто две грозовые тучи.

Лицо наемника было украшено черной бородой и шрамами. Он него несло потом и выпивкой, а еще запахом хищника, привыкшего отнимать чужие жизни. Он был опытен и понимал, что если дернется сейчас, то сам себе распорет шею. Мужчина попытался что-то сказать, но садовник прервал его ударом лба в лицо и тут же отпустил серп – наемник повалился без сознания.

Сэм подхватил ключ с пояса поверженного врага, спешно отпер дверь и проскользнул внутрь. В бежевой комнате было темно: гардины сдвинуты на окнах, – и лишь отголосок утреннего света проникал внутрь сквозь их бархатные складки. Было четко слышно, как люди избегают по главной лестнице на второй этаж. Выстрел, вне всяких сомнений, поднял по тревоге каждого алого наемника в округе. Громкие и злые голоса, выкрикивающие проклятья и команды на чужом языке, приближались. Действовать надо было быстро.

Юноша запер за собой дверь и оставил ключ в замке. Затем он вцепился руками в массив дубового шкафа, стоявшего рядом, и одним сильным движением обрушил его на проход, создавая баррикаду.

– Что происходит? Кто вы? – услышал он мелодию знакомого голоса.

Обернувшись, Сэм увидел ее. Это была уже не та девушка, что он знал четыре года назад. Она стала взрослой, сильной и еще более прекрасной. Густые рыжие волосы локонами спадали на плечи, а в огромных темных глазах горел огонь. Девушка стояла перед ним в одной ночной рубашке. В руках она сжимала увесистый подсвечник.

– Катрин... – улыбнулся Сэм.

– Что вам нужно? – спросила она с вызовом в голосе, хотя было видно, что Кэт испугана. Затем, не дожидаясь ответа, она проговорила: – Если вы меня хоть пальцем тронете, то мой отец...

– Кэт, – повторил садовник, – это же я, Сэм.

Девушка запнулась на полуслове. Несколько секунд она смотрела на него, не понимая, что происходит, а затем вдруг выронила подсвечник и зарыдала. Сэм бросился к ней и тут же заключил возлюбленную в свои объятия.

Будучи почти в истерике, она лепетала что-то о том, как сильно он изменился, но это не имело никакого значения. Спустя столько лет он наконец-то был рядом и мог ее защитить.

Раздались звуки ударов. Наемники ломали дверь, пока что безуспешно.

– У тебя кровь... – всхлипнула Кэт.

– Я не...

Сэм вдруг осознал, что ранен и его собственная кровь пропитывает белую рубашку под кожаной курткой. Но боли не было, и он никак не мог сообразить почему.

– Послушай... – Катрин отстранилась от него и заглянула в глаза. Сквозь слезы в ее взгляде читалась решительность. – Ты должен уходить.

Сэм нервно усмехнулся, бросив взгляд на дверь, которая пока еще держала удары.

– Что? – не понял он.

– Если я сейчас сбегу, они могут причинить вред моей маме и Аше.

– Я не могу оставить тебя тут.

– Сэм... мне тут ничто не угрожает. А тебя они убьют. Он тебя убьет.

– Кто?

И в этот момент раздался грохот. Что-то огромное быстро двигалось по дому, казалось сметаая все на своем пути. Тем временем в двери уже появился пролом – наемники пустили в ход топоры.

– Вернись за нами, когда в город привезут мою сестру и маму...

Сэм не мог ничего сказать. Его мир вновь рушился. Четыре года он мечтал о встрече с возлюбленной, о том, как он ее спасет. А теперь все шло прахом. Он просто не видел в себе сил уйти... парень понимал, что лучше умрет, чем оставит ее тут одну.

– Пожалуйста, – произнесла Кэт, вновь рыдая, – выживи. Вернись за мной. Я люблю тебя. – С этими словами она запечатлела поцелуй на его губах.

Сэма будто ударило молнией. Все его естество вспыхнуло...

Катрин вскрикнула и отскочила в сторону.

– Идиоты! – раздалось из-за двери. – Хватит стрелять, не заденьте девчонку! В сторону, дайте дорогу Барону!

Боль растеклась по спине Сэма. Он обернулся и увидел дуло ружья, торчащее сквозь пролом в двери.

– Беги, – сказала девушка, и в ее голосе проявилось властное величие, почти такое же, что когда-то звучало в голосе ее деда.

Сэм не мог не повиноваться. Одним рывком он метнулся в гардину и, сорвав ее, вылетел сквозь окно. Как раз в этот миг дверь за его спиной слетела с петель, огромный шкаф отлетел в сторону, и, снося дверной косяк заодно с куском стены, в комнату ворвалось нечто огромное.

Дальше был удар о землю. Сэм откинул полотно гардины, изрезанное осколками стекла, и с места рванул в сторону парка.

Он бежал, а за спиной гремели коваными сапогами наемники. Несколько человек он видел и впереди – они бежали ему наперерез.

Он споткнулся. Корень дерева буквально впился ему в ногу, и парень повалился на землю. В то же мгновение впереди него раздался удар – лезвие огромного топора вошло в дерево, прорубив толстый ствол наполовину. Оружие было просто невероятного размера – сложно было представить, кто был способен так его метнуть. Без сомнения, садовника зарубило бы надвое, если бы он не споткнулся.

Сэм оттолкнулся руками от земли и побежал вперед, не разбирая дороги, сквозь заросли кустарника. Преследователи бежали за ним, но по какой-то причине садовник пронесся через плотную стену зелени, будто бы той и не было вовсе. На секунду ему показалось, что сами ветви расступаются, давая ему дорогу, а затем сходятся за спиной, преграждая путь наемникам.

– Беги и не оглядывайся, – шепнул ему Парк.

Дорога, кажется, сама шла под его бегущие ноги, и вскоре Сэм оказался возле ограды. Как ему удалось проделать весь этот путь за такое короткое время, парень не знал. Он обернулся и не увидел за спиной никого. Лишь где-то вдалеке что-то огромное крушило деревья, а люди кричали на чужом языке. Сквозь этот шум садовник вновь услышал голос Парка: на этот раз он не говорил ничего конкретного, а просто звал. Там, откуда доносился голос, стоял огромный дуб с раскидистыми ветвями, одна из них тянулась через высокий забор прямо к крыше соседнего дома.

Сэм легким движением взобрался на дерево.

– Спасибо тебе, – обратился Сэм к Парку. Никогда прежде юноша не испытывал ничего подобного, но по какой-то причине он не был удивлен тому факту, что говорит с чем-то неживым. Точнее, живым, но *иначе*. Прежде чем перемахнуть через забор, он прикоснулся рукой к коре и произнес: – Прощай.

Эрик

Город поражал разнообразием. Дома были отстроены из самых разных материалов и в самых разных стилях. Где-то узкие постройки теснились, а где-то свободно стояли огромные поместья с обширными парками. Жилые здания были смешаны со складами и мастерскими. Туман почти рассеялся, и в ночи проступили очертания Скалы, обозначавшей северную окраину города. Невероятной высоты отвесная стена серого камня нависала над городом. На ней еще *теми-кто-был-до*, древними королями, высечены титанические фигуры людей в странной броне и таинственных ритуальных одеяниях. Сама Скала, это Эрик знал наверняка, была зачарована, чтобы никогда не обрушиться на город.

Крестьянин еще никогда не видел такого большого скопления домов и людей. И хотя его спутники не видели в этом ничего особенного, те несколько десятков человек, что встретились им по дороге, показались крестьянину настоящей толпой. Было шумно – цокот копыт смешивался с голосами, скрипами, шумом воды и каких-то механизмов. Двигаясь за своими компаньонами, крестьянин старался держаться поближе к лошади.

К его великому сожалению, вскоре с лошадьми пришлось расстаться. Добравшись до «Отдыха колдуна» – массивного каменного здания с пристройками, что расположилось у самых городских стен, – они отправили скакунов на конюшню. В городе они не нужны, а продавать их было рановато – могли понадобиться для быстрого побега. Старик Томас, перекинувшись парой слов с мальчишкой-конюхом, отдал ему несколько медных монет, после чего обратился к Алисе и Эрику:

– Тут оставаться нам не стоит. Я договорился, чтобы любое сообщение для нас записывали. Будем приходить время от времени и забирать послания у слуг. Сами же остановимся в «Пьяном купце Монтгомери»... это трактир на Рыночной площади. У них комнаты выходят на крыши соседних домов... очень удобно...

– Ты здесь бывал раньше? – удивился Эрик.

– Лет двадцать назад... или тридцать... – Старый вор улыбнулся ностальгически. – Это я, знаешь ли, напоил Монтгомери...

Когда наконец все вещи были нагружены на Морковку, они отправились в путь к другой таверне.

– Расскажешь о купце? – спросила Алиса.

Признаться, Эрику тоже было интересно послушать.

– О, это было так давно, что уже не вспомнишь всего...

Томас начал свой рассказ. В нем он повествовал в ярчайших подробностях о своем первом визите в этот дивный город. История крутилась вокруг того, как вор обманом и хитростью напоил зажиточного купца, а затем втянул его в совершенно безумное пари. В результате купец отдал половину своего состояния бедному ремесленнику на постройку того самого трактира. История, вопреки уверениям Томаса о собственной скудной памяти, пестрила подробностями и целой кучей побочных сюжетов. Эрику, конечно, было интересно ее послушать, но делал он это вполуха, стараясь уделять внимание и самому городу, по чьим улицам они сейчас шли.

Из рассказа старика можно было узнать многое не только о его хитрости, но и об истории места действия. Кретч имел довольно странную архитектуру. Он развивался в несколько этапов. Вначале было укрепленное поселение, которое основали беженцы третьей войны

со Скверной. Сейчас район внутри города, обнесенный древней стеной, называется Старым городом. Старый город постепенно оброс котлами – маленькими замкнутыми ремесленными кварталами в дюжину домов каждый. Больших улиц тут было всего несколько, зато переулочков и этих самых котлов – превеликое множество.

С появлением города открылись новые торговые маршруты. Кретч разрастался, богател за счет торговли. Спустя долгие годы город стал достаточно большим, чтобы назваться метрополией... и тогда в город явились Высшие. Они назначили ему архонта – своего глашатая. После такого эпохального события Кретч конечно же стал столицей веры, привлекая паломников со всего света. Архонт сделал древний монастырь на севере города своей резиденцией, перестроив его и дав ему имя «замок Фейрфакс». Замок этот стоял меж двух горных рек, протекавших из ущелья, расколовшего в этом месте Скалу. По легендам, в этом ущелье находился храмовый комплекс *тех-кто-был-до*, таинственных предтеч, древних королей, вслед за кем в мир пришли Высшие. Сейчас в ущелье находился мемориальный парк, где в криптах, по старой традиции, хоронили местную аристократию.

Город источал самые разные ароматы – запахи гнили и навоза соседствовали с ароматами специй и копченого мяса, а в стальном жаре кузницы можно было услышать едкие нотки серы. Предрассветный бриз рассеивал духоту и приносил хоть какую-то свежесть со стороны озера, но в нем чувствовались масло и керосин. Ощущения, которые Кретч вызывал у Эрика, казались ему противоречивыми. Город был огромным живым организмом, заботливым чудищем, охраняющим своих несмышленных детей от бед и невзгод. Но дети были неблагодарны, они отравляли своего защитника – жгли его, рвали на части... Не щадили они и друг друга.

История Томаса то ли еще продолжалась, то ли уже закончилась. Он рассказывал какую-то шутку. Слушая его, Алиса смеялась время от времени. Смех ее был громким, залившимся и немного нахальным, но при этом все-таки красивым.

Так, за разговорами, в которых Эрик почти не принимал участия, они дошли до Рыночной площади, которую совсем недавно видели с парома. На ней уже появилось какое-то подобие суматохи – первые торговцы спешили занять хорошие места. У кого-то были свои прилавки, а кто-то раскладывал свои товары прямо на земле – на ковриках или простых кусках ткани.

Эрик засмотрелся на какие-то безделушки, затем на что-то еще и не заметил, как, идя за своими компаньонами, оказался в таверне.

На взгляд крестьянина, это место отличалось от тех питейных, что он видел раньше, только размером, зато отличалось в разы. Такой огромный зал, представлялось ему, больше подходил для какого-нибудь барона, нежели для простого люда. Но дело было только в размере, в остальном не имелось никаких отличий от обычной деревенской таверны – грубо сколоченные столы, гладкие и темные от времени, такие же стулья. Вокруг мягкий свет, запах кислого пива и жареного мяса. Теперь, в предрассветный час, тут было не очень-толюдно. Пара пьянчуг, группа картежников, все никак не желающих расходиться, да трое стражников, видать отмечающих удачную ночную смену.

Втроем они сели поближе к барной стойке.

Томас подозвал бармена:

– Юноша! А ты, случаем, не сын ли Кедрика Бейли?

«Юноша» был крепко сбитым мужиком за сорок, чья густая борода покрывала половину лица, составляя дивный контраст блестящей лысине. Где-то между лысиной и бородой примостились глубоко посаженные глаза и их недобрый взгляд.

– Внук, – буркнул бармен, выходя из-за стойки, – что будете заказывать?

– О... – Томас немного опешил, видимо осознавая, сколько лет прошло с момента его знакомства со старым хозяином таверны, – я знал его... ну, деда твоего.

– А я – нет. – Фигура бармена нависала над столом.

Эрик понимал, что этот мужчина получает искреннее удовольствие от того, что своим внешним видом и манерами пугает людей. Их взгляды столкнулись. Безразличие в глазах Эрика и немая угроза в глазах бармена. Понадобилась лишь секунда, чтобы здоровяк отвел взгляд, дрогнув всем телом.

Легкое замешательство бармена, похоже, вернуло старому вору уверенность.

– Тебе очень не повезло, что ты его не знал... как тебя зовут, парень? – спросил старик, поднимаясь со стула.

– Бэар, – ответил бармен.

– Бэар, – старик похлопал его по широкой спине, – а что, если ты принесешь нам четверым по кружечке пива, и я расскажу тебе о твоём деде?

– Но вас тут трое, – не понял Бэар.

– А четвертая тебе. Посидишь с нами, я расскажу тебе о старике, – широко улыбнулся Томас.

Вскоре пиво было на столе, а здоровяк-бармен, потеряв остатки своего угрожающего вида, с большим интересом слушал, как Томас травит свою байку про пьяного купца по второму кругу. К своему удивлению, Эрик обнаружил, что ему до сих пор интересно слушать.

Сэм

Сэм замер на пороге. В его доме было тихо, абсолютно тихо.

Парень вздохнул с облегчением – деда тут не было, а значит, ему не придется объяснять, откуда взялась вся эта кровь. Неспособный думать ни о чем, кроме как о том, как бы избавиться от следов драки, Сэм ринулся наверх, в свою комнату. Там он скинул куртку, зажег лампу и подошел к зеркалу. Открывать ставней парень не стал. В центре красного пятна на его рубашке зияла дыра от пули. Та вошла в тело там, где под крепкими мускулами скрывалось сердце, но, слава Высшим, похоже, вошла неглубоко. Второе ранение было на спине, но его Сэм не мог рассмотреть. Признаться, он даже не представлял, что нужно делать. За всю свою жизнь он до этого видел пулевое ранение лишь единожды, и его обладатель скончался на месте. Где-то в голове мелькала мысль, что ему должно быть чертовски больно, но боль была вполне терпимой. Сэм достал небольшой ножик и начал срезать с себя рубашку, аккуратно отдирая те места, которые, пропитанные запекшейся кровью, прилипли к ране. Когда юноша наконец сумел рассмотреть пулевое отверстие, его удивление только возросло. Кожа вокруг огрубела, затвердела и сморщилась. Своим видом она походила на древесную кору.

Юноша спустился вниз, на кухню, вскипятил воды, затем сходил к гербарию деда и вскоре вернулся наверх с горячим чайником и мешочком высушенного мебиускуса. Это была одна из самых сильных целебных трав, что Сэм знал в силу семейной профессии. Он быстро смешал траву с другими ингредиентами и приготовил мазь.

Затем он смочил тряпку кипятком и протер рану.

В тишине, стоящей в доме, раздался грохот. Что-то металлическое ударилось об пол. Сэм устремил свой взгляд вниз и, к своему удивлению, обнаружил там серый шарик пули. В следующую секунду этот звук повторился, и на полу оказалась вторая, та, что была у парня в спине.

Сэм вновь посмотрел в зеркало и обнаружил, что рана уже начала затягиваться.

Он стоял так, наверное, с минуту или дольше. Парень не мог понять, как такое вообще возможно. Сейчас он должен был думать о том, что делать дальше, как спасти Кэт и ее близких, но все его мысли были о том, что произошло. Его не брали пули, он совершил невозможный прыжок из окна (Сэм лишь охнул, когда понял, с какой высоты он упал), ему,

вне всяких сомнений, помогал Парк, оказавшийся чем-то вполне разумным, хотя и непонятно, чем именно.

Садовник все равно наложил на места ранений мазь и сел в кресло. Только сейчас Сэм почувствовал, каких сил ему стоила вся эта авантюра. Откровенно говоря, он был обессилен.

– Что ты сделала со мной? – вдруг спросил он вслух, мысленно обращаясь к матери.

Он не знал ее. Его воспитывали дядя и дедушка. Они говорили, что его мать умерла практически сразу после родов, а отец сбежал, оставив ребенка на них двоих. Дядя всегда отзывался о матери Сэма, Рейне, очень хорошо, но дед... казалось, он ненавидел ее. По его словам, Рейна... была ведьмой. Обнаружив свой темный, запретный талант к колдовству, она начала применять его во зло, в конце концов это и привело к ее гибели. Дед всегда оберегал Сэма от каких-либо контактов с чем бы то ни было волшебным, опасаясь, что и его внук может разделять проклятие дочери. Юноша всегда относился к этим предостережениям с большим уважением. Ни разу в жизни он не прикасался к заговоренной вещи или к волшебному зелью, а от колдовской соли бежал как от огня. Его научили бояться колдовства, и сейчас то, что происходило с ним, те неестественные вещи, которые он вытворял... они пугали парня сильнее, чем смертельная опасность, в которой он побывал совсем недавно.

Он никак не мог понять, что же с ним произошло. Быть может, опасность заставила его воспользоваться теми силами, что давно спали в нем? Но что же это за силы? Сэм знал множество людей, чьи близкие обращались с колдовскими солями, не всегда легальными. Никто из них ничем не выделялся. Никто не вытворял ничего подобного.

Постепенно тяжелые страшные мысли погружались все глубже и глубже в озеро сонного разума. Их свет гас, поглощаемый темной водой. Когда Сэм, совершенно истощенный, наконец-то отдался сну, он думал о матери.

Почему-то ее образ, являвшийся только в предрассветных снах, всегда был окутан светом, тем самым, что по утрам приносит жизнь цветам, что пробуждает все живое ото сна.

Сегодня он ее не видел.

Его пробуждение было жестким. Мощный удар повалил парня на пол и выбил из него весь дух. Сэм попытался вдохнуть, но не смог. Казалось, его легкие свернулись. Он открыл глаза, но перед ними была лишь кроваво-красная пелена.

– Держите его! – рявкнул кто-то, и Сэм ощутил боль в плечах. Ему заломили руки за спину и грубо подняли с пола.

С громким хрипом легкие наконец-то наполнились воздухом, и пелена с глаз спала. В комнате было трое мужчин, не считая тех, кто держал его со спины. Все они были облачены в легкие пластинчатые доспехи, стальные шлемы-маски и серые плащи.

– Сэм Хайн, – произнес тот, что стоял ближе всего. Его голос был низким и гулким, отзвуки дребезжали на поверхности шлема, изображающего безразличное лицо, – вы арестованы именем архонта Кретчийского Эдварда Нолана Гамельского Второго по обвинению в государственной измене.

Сэм увидел, как серый плащ сжимает в руках мешок. Паника загорелась в нем неуправляемым пожаром. Он уже видел такие мешки на висельниках, чьи бранные тела болтались на городской стене форта Мейсер. Заговоренную ткань нельзя было снять с лица, и даже после смерти казненные оставались безымянными. Серые плащи забирали людей, надевали на них эти мешки, и больше о них никто не слышал.

Сэм попытался вырваться, но в его истощенном теле просто не хватило сил.

– Нет, пожалуйста! – в панике закричал он.

Но мужчина с мешком остался безразличен к его мольбам. Он шагнул вперед и резким, привычным движением скрыл лицо юноши за проклятой тканью.

– Грузите его, – прозвучал голос, лишенный каких-либо эмоций.

Сколько времени прошло с момента его ареста, Сэм даже не представлял. Сквозь грубую ткань мешка не было видно дневного света. Сырость, холод камня и эхо, которое разносилось вокруг от каждого звука, говорили о том, что его бросили в подземелье. Серые плащи, конечно, не кормили своего узника и даже не разговаривали с ним – лишь иногда приходили, чтобы избить, молча, без какой-либо цели. Сэма ни о чем не спрашивали, от него ничего не хотели. Он не мог сопротивляться. На его руках и ногах сомкнулись кандалы. Он не мог даже кричать: ткань проклятого мешка будто прилипла к его губам и не позволяла их разомкнуть.

Сэм страдал от несвободы, от боли, от безысходности, от непонимания и настоящего животного страха. Он уже не знал, прошел день с его ареста или уже месяц. У него уже не было сил на попытки сопротивления. Постепенно отчаяние начало брать верх, и что-то стало угасать в молодом садовнике.

Тогда за ним и пришли.

Тонким острым лезвием, не жалея кожи, мешок разрезали на его рту и глазах, так чтобы он смог видеть, смог говорить. Сэм сидел, прикованный к тяжелому стулу из массива дуба, в небольшой комнатушке. Он не помнил, как оказался тут. Перед ним располагался стол, заваленный какими-то бумагами. За столом сидел мужчина, немолодой, крепкий, с усталыми и совершенно безразличными глазами. Сэм подумал, что шлемы-маски серых плащей срисовали именно с него. Быть может, все было наоборот и собственное лицо тюремщика само обратилось маской. Лицо это вызывало оторопь в душе юноши. Оно казалось ему страшным и почему-то очень знакомым, но откуда – он вспомнить не мог.

Свет в помещении был естественным, и Сэм с облегчением вздохнул, видя впервые за неизвестно какое время лучи солнца, которые падали на кипы бумаг на столе.

– Как вы себя чувствуете? – осведомился мужчина, не отрывая глаз от бумаг.

– Можно... мне воды? – чуть ли не кашляя проговорил Сэм.

– Да, конечно. – Мужчина кивнул кому-то за спиной парня, и спустя секунды к его губам поднесли стакан воды. Большая часть ее пролилась мимо, но какое-то количество живительной влаги Сэму все же досталось.

– Моя фамилия Ключе, – представился мужчина, – я здесь, чтобы выслушать ваши показания и рассмотреть ваше дело. Начнем?

Сэм не знал, что сказать. Ключе сверился со своими записями и продолжил:

– Вы обвиняетесь в государственной измене. Это обвинение подразумевает несколько видов наказания, я могу сказать с большой долей уверенности, что в вашем случае это будет... – он еще раз посмотрел в бумаги, – ...смертная казнь.

Эти слова должны были вселить ужас в душу заключенного, но почему-то этого не произошло. Что-то изменилось. Отчаяние постепенно уходило. Сэм чувствовал себя лучше и никак не мог понять почему.

– Конечно, на мой взгляд, это чрезмерно сурово, учитывая тот факт, что от ваших рук никто не погиб. – Мужчина говорил заученные фразы.

Сэм почти не слушал. Мужчина, его слова, глоток воды и даже солнечный свет – все одно большое представление. Они хотят дать ему ложную надежду, вытянуть из него все, что можно. Но Сэм знал, как кончают «мешки» вроде него. Исход один – смерть. Сейчас он должен будет рассказать плащам все, а затем они проверят эти показания уже под настоящими пытками.

И хотя ситуация была более чем ужасной, Сэм понял... что у него есть выход. Он не представлял, как это произойдет, но чувствовал, что силы, помогавшие ему в парке, спасшие его от пуль, помогут ему и сейчас. Просто им нужно еще немного времени...

Мужчина продолжал свою речь:

– Я думаю, что, если вы согласитесь сотрудничать, мы могли бы прийти к некоему соглашению? – Его слова лишь подтверждали догадки заключенного о сути этой встречи.

– Можно мне еще глоток воды? – попросил Сэм.

– Вы готовы ответить на мои вопросы?

– Мне обязательно делать это в кандалах?

– Пожалуйста, не меняйте темы. Вы позволите нам помочь вам?

– Да...

Ключе кивнул. Незримые люди за спиной Сэма отстегнули его запястья от подлокотников кресла и вложили в его ладони глиняный стакан с водой. С каждым глотком жажда лишь нарастала, но то же можно было сказать и о силе, постепенно закипающей внутри юноши. Он буквально ощущал, как энергия, скрытая в воде, проникает в каждый уголок его тела, пропитывает и насыщает его, исцеляя от ран. Солнечный свет лишь усиливал это ощущение, дополнял его.

Закончив с питьем, он посмотрел на Ключе и приготовился отвечать на его вопросы.

Допрос продолжался в течение нескольких часов. Солнечный луч успел переместиться по комнате и теперь падал на лицо Сэма. Даже сквозь плотную ткань мешка он чувствовал живительное тепло. Ключе говорил, спрашивал, уточнял, а Сэм отвечал на его вопросы. Время от времени он просил еще воды. Тюремщик считал садовника каким-то шпионом и все время спрашивал о каких-то черных лампах. Он был свято уверен, что Сэм не мог сам найти пленницу. По его словам, девушку только что привезли в город, и об ее местонахождении не знал практически никто.

Сэм рассказывал все честно, не утаивая ничего. Он лишь скрыл имя того человека, который дал ему информацию, а также то, что тот искал в городе. Парень рассказал, как проник в дом, как вырубил охрану и что было потом. Он говорил про свои действия в мельчайших подробностях и не скрывал своих мотивов. Его рассказ занял много времени. Когда же он наконец подошел к концу, Ключе произнес:

– Благодарю за ваше сотрудничество. – На его лице промелькнула улыбка, но не пустая, как весь его образ, а настоящая, полная триумфа и жестокости. Он отвел взгляд и бросил куда-то за спину заключенного: – Во вторую допросную его. Зашейте глаза.

Сэма грубо подхватили под руки с двух сторон, но в этот раз он был готов... и полон сил.

Тот стражник, что был слева, получил удар локтем в корпус, да такой, что раздался хруст ребер. Того, что был справа, Сэм подхватил одной рукой за шкуру и метнул в сторону Ключе.

– Что? – лишь успел сказать следователь до того, как его накрыло тушей, закованной в доспех.

У Сэма не было времени удивляться собственной силе. Он быстро осмотрелся по сторонам. Стражник валялся рядом с ним – погнутая кираса, повсюду кровь... но на его поясе были ключи. Схватив заветную связку, юноша рванул к выходу.

Когда он оказался в коридоре, за его спиной раздался крик Ключе.

– Тревога! – орал тот во все горло, а беглый «мешок» уже мчался куда-то сломя голову.

Мелькал свет факелов, были слышны звуки механизмов и крики людей – истязаемых и истязателей. Сэм знал, что этот темный, выложенный деревом, камнем и человеческими страданиями коридор теперь будет всю жизнь являться ему в кошмарах.

Первая закрытая дверь попала почти сразу же. Массивная дубовая конструкция преграждала путь. Только завидев ее, садовник понял, что у него на связке больше дюжины разных ключей, и он даже близко не представляет, какой ключ от чего. Времени разбираться не было, как и времени на раздумья. Не сбавляя скорости, Сэм влетел плечом в дверь, и та с грохотом повалилась на пол, а парень – вместе с ней. Вскочив, он продолжил бег.

Где сейчас он находился? В подземелье форта Мейсер? Вполне вероятно. Но где именно?

От поворота направо потянуло свежим воздухом, и Сэм свернул туда. Буквально тут же ему встретилась еще одна дверь, но на этот раз открытая. На проходе стоял один из серых плащей. В руках он сжимал масляную лампу и явно был удивлен видом несущегося на него заключенного. Сэм проделал с ним то же, что с предыдущей дверью, и еще быстрее рванул вперед. За его спиной что-то хлопнуло, и вспыхнул огонь. Раздались крики, но парень даже не обернулся.

Бег выматывал его быстрее, чем он мог подумать. Силы накапливались в нем медленно, а исчезали почти моментально. Сейчас он уже чувствовал, что времени у него осталось немного... по крайней мере, пока он под землей. На поверхности солнечный свет поможет ему.

Впереди послышались голоса. Сэм свернул от них в сторону и почти сразу же оказался на ступенях какой-то лестницы. Та круто поднималась вверх и заканчивалась стальной дверью. Сквозь узкую замочную скважину в подземелье проникал одинокий лучик живительного света.

Сэм попробовал один из ключей на связке, но тот оказался слишком велик, тогда он попробовал второй, но и тот не подошел. Руки садовника дрожали, он чувствовал, как мешок на его лице намокает от пота, боль во всем теле вновь чувствовалась, постепенно нарастая. Он попробовал еще один ключ – тот вошел в замочную скважину, но отказался поворачиваться.

Снизу, от подножия лестницы, послышались голоса. По ступеням затопали тяжелые сапоги.

Сэм внимательней посмотрел на связку. На ней было больше двух дюжин ключей... но только один был такой же формы, как тот, что вошел в скважину. Судорожными движениями, ловя собственное дыхание, парень схватил его, воткнул в замок... и провернул со щелчком.

Дверь отворилась, и внутрь хлынул поток яркого солнечного света. Сэм быстро шагнул вперед, ослепленный живительным потоком энергии. Когда же зрение к нему вернулось, он увидел, что стоит посреди внутреннего двора форта Мейсер, прямо на тренировочной площадке серых плащей. Перед ним было, наверное, больше сотни рекрутов и офицеров – почти все при оружии.

Парень, наполненный силой солнца, сумел раскидать дюжину или две врагов, но затем даже его нечеловеческих возможностей оказалось недостаточно. Пули и клинки врезались в его тело, кости трескали под мощными ударами.

Когда все кончилось, он увидел над собой лицо Ключе.

– Я не знаю, как ты это сделал, – произнес тот жестко, – но больше ты не убежишь. – Затем он добавил, обращаясь куда-то в сторону: – Раздробите ему колени.

Глава 3

Цвета

Поль

– Видимо, они очень не хотят, чтобы ты умер раньше срока, приятель, – с сочувствием произнес Поль, когда его новый сокамерник пришел в себя. Этот был уже третьим, кого привели в его камеру, и Поль долго присматривался к нему, ожидая очередного подвоха.

Серые плащи уже пытались играть с ним в свои маленькие игры, но пока им не удалось победить. Дважды они сажали к Полю своих людей. Над первым он просто рассмеялся – тот был даже без мешка на голове. Второй был настоящим заключенным, но он слишком уж быстро и рьяно начал расспрашивать Поля о его работе. Когда его уводили, «мешок» плакал и кричал, что ему обещали свободу...

За несколько часов до появления нового сокамерника детектив слышал крики и шум. Что-то происходившее в узких коридорах форта Мейсер вызвало у серых плащей настоящую панику. Затем тяжелая стальная дверь камеры отворилась, и на пороге появилась целая толпа стражей. Трое тащили огромную тушу заключенного, и еще пятеро с оружием наголо сопровождали их.

К чему такие предосторожности, Поль мог понять. Плащи опасались заключенного, который почти сумел совершить побег. Однако второй раз ему это точно не удастся – когда парня бросили на каменный пол, детектив увидел его перебитые в коленях ноги и покрытое окровавленными бинтами тело.

Нет, определенно этот заключенный не мог быть подсадным. Должно быть, его определили в эту камеру как в самую безопасную и охраняемую во всем форте. Ключе решил оставить на какое-то время свои методы ради безопасности. И все равно Поль знал, что за дверью есть его человек, внимательно вслушивающийся в каждый шорох и запоминающий каждое слово, сказанное в камере.

Веки парня дрогнули под прорезями в мешке, и вдруг глаза открылись. В полумраке Поль почувствовал взгляд, впившийся в его лицо. Но все, что сейчас мог увидеть сокамерник, – это такой же мешок на лице детектива.

– Что? – спросил тот хриплым, больным голосом.

– Твои раны покрыли соляными мазями и забинтовали, – пояснил Поль, склонившись над парнем. – Хотя обычно они дают своим жертвам гнить заживо.

Парень попытался встать, но в ту же секунду боль пронзила его тело, и он издал чуть ли не звериный рык, от которого Полю стало не по себе.

– Где я? – пытаюсь отдышаться, коротко спросил сокамерник.

На лице Поля мелькнула грустная улыбка.

– А ты уже забыл? – Он поднялся на ноги и вскоре вернулся к несчастному юноше с чашкой воды. Это все, что ему выдавали на весь день, а иногда на два, но раненому парню вода сейчас была нужнее, чем детективу, чья подранная шкура уже почти успела зажить за два долгих месяца заключения. В отличие от других заключенных, с Полем обращались не так уж и плохо. Но только потому, что он еще был нужен Ключе.

– Кэт... я вернусь... Кэт... – бредил юноша.

Детектив оставил несчастного в покое и вернулся к лежаку, сооруженному из сена. Это было единственное место, где солнце, пробиваясь сквозь маленькое окошко, падало на пол и стену, хоть немного согревая холодный камень.

– Кто вы? – спросил вдруг сокамерник спустя какое-то время.

– Фамилия Раймонд, имя – Поль, – представился детектив. – С кем имею честь?

Прежде чем ответить, парень вновь попытался подняться на локти, и, к удивлению Поля, ему это удалось.

– Сэм Хайн... – сообщил юноша.

– Ты можешь двигаться? – удивился Поль.

– Боль почти прошла... – пояснил Сэм.

– Тебе не стоит шевелиться, – с беспокойством произнес детектив, – должно быть, у тебя все еще шок.

– Я не знаю, что со мной происходит, – тихо произнес Сэм, – но это уже не в первый раз. Когда меня ранят... и происходит... это...

– Что «это»? – произнес Раймонд, вновь поднимаясь на ноги. – Дай-ка я посмотрю.

Поль вновь приблизился к сокамернику и, сев рядом с ним на пол, принялся осматривать раны. Выбрав самую незначительную, на его взгляд, он осторожно приподнял над ней бинты. Под окровавленной тканью все еще был небольшой слой лечебной мази, а под ним – свежий шрам.

Впервые за свою практику детектив видел нечто подобное.

– Как думаешь, мы сможем перетащить тебя на свет? – спросил он, и парень кивнул.

Вмиг Раймонд забыл, что он заключенный в камере строгого режима, – он вновь стал тем детективом, каким был раньше. Годы учебы у старого врача в Многогоречье и в академии Гершена, сотни прочитанных книг и безудержная страсть к истине вновь заняли положенное им место в его отравленном разуме. Перед ним была загадка, и он намеревался ее разгадать.

Когда Сэм оказался на лежаке у стены, детектив начал осматривать другие раны. Одну за одной он освобождал их от бинтов и каждый раз видел одно и то же – свежий шрам и огрубевшую вокруг него серую кожу. Парень чувствовал все его прикосновения, но не боль.

Детектив начал сомневаться в искренности своего сокамерника – все походило на то, что это были не настоящие раны, а просто грим. Но когда он снял повязку на животе, взгляду предстала огромная зияющая рана. Кто-то пальнул в парня из ружья в упор. Все предыдущие сомнения отпали разом – если Сэм не скончался от такого, то что угодно было возможно.

У Поля было всего несколько секунд, чтобы осмотреть искореженную плоть юноши, потому что стоило лишь солнечным лучам упасть на рану, та начала заживать, но не так, как должна была бы. Кровь, почему-то зеленая, полилась из разодранных вен и забурлила, она обращалась травинками, которые сами по себе сплетались в некое подобие мышечной ткани. Сверху тут же нарастала кожа, которая уже ничем не отличалась от дубовой коры.

Поль в ужасе отшатнулся.

– Что ты такое?! – воскликнул он.

– Я... я не знаю.

Сэм поднял взгляд на Раймонда, и тот чуть было не вскрикнул, когда увидел его глаза, сверкающие янтарем. Ноги юноши пришли в движение. Переломанные в коленях, вывернутые сильными ударами, они вдруг согнулись – как были, в обратную сторону.

Раймонд отступил к соседней стене. Ему еле хватило мужества, чтобы не впасть в панику при виде этого создания.

– Пожалуйста, не бойтесь, – пыталось успокоить его то, что назвалось Сэмом.

И в этот миг дверь отворилась, и внутрь камеры ввалилось тело мертвого охранника. Его собственный меч был вогнан в шею несчастного. Шлем-маска, слетев с полутрубленной головы, покатился по полу. Безразличный взгляд пустых кованых глазниц впился в Поля. Вслед за этим на пороге появился человек в черном камзоле. Даже сквозь панику и полумрак детектив легко узнал его.

Убийца шагнул вперед, демонстрируя характерные отметки на своем лице: шесть линий, по три под каждым глазом, застыли подобно шести черным слезам. Он никогда

не скрывал своей внешности, и все немногочисленные свидетели его преступлений всегда описывали убийцу одинаково.

Больше полугода Поль потратил на его поиски и уже приблизился к разгадке, когда его арестовали серые плащи.

– Доброе утро, господин детектив. Обнаружить вас мне было почти так же сложно, как и вам меня, – проговорил убийца. Его голос был монотонным и безразличным.

Поправляя тугие кожаные перчатки на своих непропорционально крупных руках, он шагнул вперед, переступил через тело стражника и направился в Раймонду. На Сэма, все еще валяющегося в углу, он даже не обратил внимания.

– Вы можете считать это визитом вежливости, господин детектив, – продолжал убийца, извлекая из внутреннего кармана своего камзола тонкий стилет. Именно таким Поль всегда и представлял это оружие. Убийца работал всегда одинаково: сначала он кончиком ножа наносил на тела жертв ритуальные знаки на языке древних – и лишь затем обрывал их жизни. Жертвы были всегда опоены дурманом и никогда не сопротивлялись.

Но Поль, пусть и был изможден заключением, не собирался просто так сдаваться. Убийца явно хотел продолжить свою речь, когда детектив дернулся с места и рванул мимо него к двери. Свобода и спасение были от него в нескольких шагах. Рука Раймонда уже почти легла на рукоятку меча стражника, но в этот миг острая боль пронзила его бок. На шею детектива легла рука в кожаной перчатке.

– Мне жаль, – проговорил убийца у него за спиной, – вы были умным человеком, и мне нравилось наблюдать за вашей работой. Не бойтесь, я сделаю это быстро и почти без боли. Вы наконец сможете встретиться со своей супругой.

Лезвие легло на шею детектива.

Раймонд лишь успел закрыть глаза до того, как мощный удар сбил его с ног. Второй удар – головой о стену – лишил его сознания.

Когда его глаза вновь открылись, он увидел над собой не чудовище, облаченное в тело человека, но человека, обратившегося чудовищем. Сэм склонился над ним. Острые когти на руках исчезали, вновь превращаясь в почерневшие ногти, колени уже вернулись в свое нормальное положение.

– Вы в порядке? – спросил он.

Поль увидел многочисленные раны на теле своего спасителя – новые, нанесенные тонким стилетом.

– Нам нужно уходить. – Сэм протянул ему руку, но Поль не смог ответить на его жест. Он уже не мог не то что встать, даже пошевелить пальцами. Первый удар убийцы, настигший его на полпути к свободе, сразу отнял его жизнь. Это был один из тех ударов, что медленно, но неотвратимо убивают жертву. Самовлюбленный ублюдок, похоже, хотел договорить, прежде чем прикончить своего врага.

– Могила моей жены... – сказал Поль те слова, которых в течение двух месяцев пытались от него добиться серые плащи.

Сэм

Когда последний вздох покинул тело Поля Раймонда и его дух отошел к Высшим, Сэм наконец-то понял, что дверь из камеры открыта.

Какое-то время у него ушло на то, чтобы отдышаться и собраться с мыслями. Сражение с человеком в черном быстро лишило его остатков сил. Детали происшедшего ускользали от садовника, его разум в тот момент был окутан пеленой ярости, взявшей неведомо откуда. Вот перед ним враг – и вот его уже нет. Если бы не десятки порезов на коже, можно было подумать, что и драки никакой не было.

Куда он делся? Должно быть, ушел тем же путем, что и пришел. Что, если последовать за ним? Возможно ли это?

Сэм знал, что с момента его первого побега прошло не больше нескольких часов. Вряд ли кто-то ожидал, что он повторит попытку так скоро. Но бежать, выламывая двери на своем пути, он уже был не в состоянии.

Юноша склонился над телом Поля и, следуя древней традиции, закрыл ему глаза.

В ту же секунду в голове Сэма зародился план, будто это мертвый сокамерник шепнул ему идею.

Сэм подхватил с пола шлем стражника, затем обратил свой взгляд к его бывшему владельцу. Тело валялось на ступеньках, и кровь из раны на шее стекала вниз. Плащ стражника сохранил свой цвет, почти не испачкавшись. Сэм быстро стащил его с трупа и накинул на свои плечи. За плащом последовали сапоги и пояс с ножнами и ключами. В Сэме уже не осталось никакой брезгливости – он выдернул клинок из трупа и отправил его в ножны. Натянув на свою голову шлем, он спихнул мертвого стражника с лестницы и осторожно закрыл дверь.

Зеркала тут, конечно, не нашлось, и Сэм не мог с точностью сказать, насколько хороша его маскировка, но шлем скрывал мешок на голове, а плащ – окровавленное рубище и бинты на теле. Оставалось только надеяться, что никто не заметит брызг крови на плотной серой ткани и что сквозь нее не проступит кровь самого Сэма.

Опять он оказался в этом лабиринте коридоров, но на этот раз Сэм не спешил. Он двинулся вперед, прислушиваясь к каждому шороху сквозь нестерпимый гул собственного сердца, стучащего в ушах.

Беглец прошел несколько дверей, когда вдруг услышал впереди голоса. Он замер на месте, пытаясь найти, где бы ему спрятаться. Его взору предстало одно из ответвлений. Судя по темноте, царившей там, и пыли на полу – им давненько не пользовались. Недолго думая, Сэм двинулся туда. Он прошел немного по темноте, пока не уперся в тупик – тут были свалены какие-то бочки, ящики и битая кухонная утварь. Тяжело вздохнув, он повернул обратно. Прежде чем опять выйти в коридор, он прислушивался какое-то время, после чего быстро выглянул за угол. Никого. Видимо, стражники, чьи голоса он слышал, прошли мимо.

Сэм вновь направил свои стопы дальше по коридору, на этот раз уже с какой-то спешкой. Ему не терпелось вновь увидеть небо над головой и почувствовать кожей солнечные лучи, напиться прохладной воды... Сэм почувствовал, как уходят его силы, как слабеет его тело, как возвращается боль. Ему *нужно* было спешить.

И в этот момент из-за угла неожиданно появились двое серых плащей. Сэм чуть не налетел на одного из них. На лице стражника отразилось удивление, когда он посмотрел на Сэма в его маскировке. Сердце садовника заколотилось с бешеной скоростью, его рука под плащом легла на рукоять меча. Он не знал, хватит ли ему сейчас сил победить обоих – скорее всего, нет, – но нельзя было допустить, чтобы они подняли тревогу.

Вдруг стражник, на которого чуть не налетел Сэм, рассмеялся и произнес:

– Не, ну ты глянь на него, Джерри, – с улыбкой на устах он постучал по шлему Сэма костяшкой пальца, – железная башка!

Второй тоже рассмеялся, и оба серых плаща пошли дальше, держа свои шлемы в руках. Один из них на прощанье больно толкнул Сэма в плечо.

Сэм уже было хотел рвануть с места, завернуть за угол, скрыться с их глаз и больше не искушать судьбу... но вдруг его что-то дернуло, и он окликнул серых плащей.

– А как подняться отсюда на внешнюю стену? – спросил он.

Стражники остановились, и тот, что постучал его по шлему, впечатал в Сэма свой презрительный взгляд. Сэм вдруг подумал, что совершил ужасную ошибку, что теперь-то они

увидят кровь на его плаще и что тот вообще не подходит ему по размеру. Только сейчас он осознал, что плащ ему короток и из-под него видны окровавленные штанины над сапогами... вблизи это было незаметно, а издали...

– Три пролета прямо, затем свернешь налево – и вверх по лестнице до конца. Только ты рано, развод только через двадцать минут, – буркнул стражник и, уже оборачиваясь обратно к своему приятелю, тихо добавил: – Ну что за кретин...

Несколько секунд Сэм стоял не шевелясь, удивленный своей глупостью и удачей. Когда стражники скрылись из виду, он быстрым шагом направился туда, куда ему сказали. Внешняя стена была его лучшим шансом для побега. Четыре года он прожил в Старом городе – районе, примыкающем к форту Мейсер, – и хорошо знал все его узкие улочки. Застройка там была такой плотной, что дома прилипли к стенам форта. Пройти через круглосуточно охраняемые ворота Сэм даже не надеялся, а вот сигануть со стены на крышу – было вполне реальной перспективой.

Двигаясь, как ему посоветовали, Сэм вскоре оказался на лестнице, ведущей наверх. В коридорах ему было куда свернуть, если бы он увидел или услышал стражников. На лестнице спрятаться будет некуда. Какое-то время он провел, не решаясь ступить на первую ступеньку. Быть может, он хотел услышать шум шагов, быть может, ему просто не хватало решительности. Но чем дольше он ждал, тем больше был шанс, что кто-то набредет на следы крови возле его камеры и поднимет тревогу. Один страх в нем боролся с другим. Ноги уже подкашивались, руки сводило дрожью.

Сэм сделал первый шаг и направился наверх. Каждый звук, что долетал до его слуха, преломленный металлической поверхностью шлема, колот его острой иглой паники. Становилось трудно дышать, двигаться. Садовнику казалось, что это самый длинный подъем в его жизни. Хотя он не раз поднимался на самую высокую башню замка Фейрфакс... туда, наверх, где располагалась оранжерея и солярий... туда, где он впервые увидел Катрин...

Садовнику вдруг почудилось, что рука его не лежит на рукояти меча, судорожно сжимая кожаную обмотку, а что в ней зажата ручка латунной лейки. Ему показалось, сейчас он вновь увидит белоснежные лепестки, окрашенные лучами восходящего солнца в нежно-розовый, подобно цвету ее нежной кожи... что она вздрогнет, не ожидая его появления, а затем улыбнется. Сэм всегда помнил эту улыбку.

Последняя ступенька далась ему легче. Оказавшись наверху, он быстро осмотрелся. Солдат поблизости не было. Несколько человек виднелись вдалеке играющими в кости на перевернутой бочке, но они его, похоже, еще не заметили. Крепостная стена была около трех метров в ширину, так что по ней могла даже проехать телега. Во внутреннем дворе теперь было не так много людей. Сэм даже видел ту калитку, из которой он вышел сюда в первый раз. Да уж, это было большой ошибкой...

Времени думать о прошлых неудачах у него не было, Сэм подошел к одной из бойниц и выглянул наружу.

– Проклятье! – выругался он.

Внизу о камни бились воды Кретчийского озера. Да, он оказался наверху, но не с той стороны. Что делать? Идти через внутренний двор у всех на виду – самый быстрый и опасный путь. Пробираться вдоль стены, вокруг всего замка. Этот вариант не казался более надежным. Возможно, кто-то должен патрулировать эти стены, подумал он. Но патрули отсутствовали. Быть может, патрулем должны были заниматься те стражи, что сейчас увлеченно обсуждали очередной бросок костей?

Сэм решил идти по стене, пусть даже ему и придется обойти ее всю, чтобы не проходить мимо «игроков». Он все же не хотел спускаться во внутренний двор – воспоминания о недавнем избиении все еще были свежи.

Он двинулся вперед, внимательно следя за теми стражниками, которых видел. Без сомнения, и его тоже увидели, но пока что маскировка делала свое дело. Тут, наверху, почти все были облачены в свои шлемы, и Сэм ничем не выделялся. Самым неприятным было то, что плотная ткань плаща вкупе с железкой на голове не пропускали к его коже света, и Сэм не мог напиться им. Он уже понимал, что его странные способности работают именно так.

К своему удивлению, он без каких-либо происшествий достиг западной башни. Самая высокая и большая из четырех башен форта, по утрам она накрывала своей тенью Рыночную площадь. Сэму нужно было пройти еще столько же, чтобы достичь северной башни. От нее начиналась крепостная стена Старого города. Пройдя ее, он как раз окажется в месте, пригодном для прыжка. Оттуда он по переулкам Старого города доберется до своего дома.

Он прошел всего половину пути, когда увидел, что «игроки» движутся в его сторону вдоль стены. Они пока еще были далеко, но не было ни единого шанса, что Сэм достигнет нужной точки, не столкнувшись с ними. Он быстро подошел к одной бойнице и попытался выглянуть наружу. Быть может, здесь он сможет прыгнуть на стену одного из торговых складов?

– Эй, ты! – раздался голос из-за спины. – Ты что там делаешь?

Сэм резко обернулся и увидел серого плаща, который взялся будто из ниоткуда. Шлем стража отличался от других, выдавая в нем офицера.

Сэм нервно проглотил слюну. Он не знал, что сказать, а серый плащ явно ожидал от него ответа.

– Ты куда это полез, а? – говорил он, двигаясь вперед. – Я тебя спрашиваю!

И в эту секунду раздался оглушительно громкий звук тревожного рога. Офицер немедленно выхватил свой клинок. То же сделал и Сэм. «Сейчас или никогда, – подумал он. – Ну же, сделай еще шаг вперед, и я разрублю тебя пополам!»

Но офицер поступил иначе. Он резко развернулся и крикнул Сэму:

– Быстрее за мной! Снова побег! – С этими словами он стремглав помчался вниз по одной из лестниц в сторону казематов.

Сэм на секунду замер на месте в изумлении. Он отказывался верить, что все здесь такие же слепые идиоты, как встретившиеся ему стражники. Рано или поздно кто-нибудь да увидит его. Сейчас, когда была поднята тревога, у него были какие-то мгновения, пока на него никто не смотрит. Он бросил меч на камень, чтобы не напороться на него при падении, и рывком сиганул через бойницу. У него не было времени подготовиться и даже просто посмотреть, куда он упадет.

Сэм попытался сгруппироваться в полете, но когда у него вроде бы начало что-то получаться, жестким ударом его встретила черепица. Его небольшая туша пробила дощатую крышу, и парень провалился куда-то внутрь дома. Мгновенно его накрыла темнота. Но Сэм не потерял сознания, нет. Его лишь засыпало обломками. С темнотой пришла и боль. Что-то острое пробило живот, левая рука не двигалась, было тяжело дышать. Правой рукой Сэм откинул обломки, сорвал с себя шлем, плащ и зарычал. Рык этот был нечеловеческим, звериным. Но почему-то это придало ему сил, чтобы подняться. Он был внутри какого-то склада. Свет сюда пробивался только сквозь пролом в крыше.

Сэм быстро сориентировался. Он схватил кусок ткани, что укрывала многочисленные ящики, и рванул к задней двери склада, скинул тяжелый засов и оказался снаружи. Беглец накинул ткань на себя подобно плащу и помчался меж складов, не разбирая дороги. Ему не понадобилось много времени, чтобы добраться до «Двух купцов» – эти древние ворота вели в Старый город, – но у них он увидел стражников. Нет, это были не серые плащи, но даже с ними встреча не предвещала ничего хорошего. Они заглянут под его импровизированную накидку, увидят мешок и отправят обратно в форт Мейсер.

Впереди, через широкую улицу, стояли еще три склада с большой надписью «Арт-хейт» на каждом. За ними же, Сэм знал, начинался Змеиный переулок. Вот где точно получится затеряться – так это там. Поправив накидку, Сэм двинулся вперед, глядя себе под ноги. Ему нужно лишь перейти улицу так, чтобы его никто не заметил...

Удар был несильным, но раненное падением тело Сэма отозвалось резкой болью.

Человек, с которым столкнулся беглец, выругался на чужом языке, и Сэм услышал в этой речи знакомые нотки. Из-под ткани, закрывающей лицо, он увидел кусок красного доспеха. Красный наемник грубо толкнул парня в плечо, продолжая свою неразборчивую ругань. Только этого сейчас не хватало! Сэм дернулся с места и побежал в сторону складов. Но красный наемник успел схватить его накидку и дернул ее, сорвав с парня.

За спиной раздался громкий призывный крик, но Сэм не обернулся. Он мчался вперед что есть сил, несмотря на усталость и боль.

Он пробежал склады, затем один дом, другой, третий. Запах гниения и человеческих отходов становился сильнее, а значит, парень бежал в нужном направлении. Он надеялся спрятаться где-нибудь в Змеином переулке. Его нога вдруг увязла в грязи, и он рухнул в мерзкую жижу. Сапог, бывший ему немного велик, слетел.

Сэм вскочил на ноги, но тут же получил удар в спину.

– Д’ержи его! – раздалось у него над ухом, и кто-то схватил беглеца за запястье.

Сэм дернул руку и попытался ударить врага, но его рука наткнулась на крепкий чешуйчатый доспех. За этим последовал толчок в спину и подсечка. Парень вновь упал в грязь. Он быстро перевернулся на спину и наконец увидел своих врагов.

Их было трое. Все в красном, все при оружии. Только один в доспехе, на двух других просто были крепкие кожаные куртки. Они оказались старше него. Заросшие бородами лица несли на себе многочисленные шрамы – следы бывлых сражений и болезней.

Сэм хотел было встать, но тот, что был в доспехе, поставил ему ногу на грудь, вытаскивая из-за пазухи топор.

– С’ерые плащи х’орошо заплатят за тв’ою голову, м’ешок – улыбнулся он.

Сэм закрыл глаза. Все было кончено. В нем просто не осталось сил сопротивляться, бороться. Тут не было солнца, а жидкая грязь, в которой он лежал, лишь отравляла его существо. Это было чудом, что он продержался так долго, вынес так много страданий, лишений, боли...

Он был готов уйти... сдаться...

И в этот момент луч света лег на его глаза. Он увидел образ, окутанный светом... тем самым, что по утрам пробуждает все живое ото сна... это была женщина, прекрасная как цветок...

Быть может, это была его мать? Неужели она наконец-то заберет Сэма к себе, в царство Высших? Нет... это была не она. Быть может, это Катрин явилась укорить его, сказать Сэму, что тот не сумел спасти ее? Волосы женщины полыхали огнем и вились кудрями, как волосы Кэт. Но она была на голову выше возлюбленной Сэма.

Ее образ буквально плыл перед садовником. Он не знал ее, но она была прекрасна. На долю секунды он забыл, что валяется в грязи и вот-вот лишится жизни.

Один из красных наемников повернулся к женщине... и в тот же миг она выбила ему зубы. Удар был стремительным, словно бросок гадюки. Выхватив из его рук топор, она с размаху впечатала обух в спину наемника в доспехе, и тот грохнулся рядом с Сэмом. Когда же третий попытался что-то предпринять, на него уже было наставлено дуло пистоля.

– Пошел прочь! – произнесла она жестко. – И дружков своих прихвати.

Алиса

Вскоре горе-грабители скрылись из виду. Парень медленно начал подниматься на ноги. Ему явно было очень больно и тяжело, но Алиса не стала ему помогать, а просто отошла в сторону. Парень вызывал в ней чувство брезгливости. Под слоем грязи был слой запекшейся крови. Рванина, в которую он был одет, больше напоминала кипу бинтов. На голове у него был мешок с прорезями для глаз и рта. Девушка вдруг подумала – а не совершила ли она ошибки? Быть может, не стоило ей сворачивать с пути, чтобы остановить грабеж? Вполне возможно, что и не грабеж это был. Эти трое пусть и походили на обычных бандитов, да только снаряжение их было чересчур хорошим – обычный головорез себе такого не смог бы позволить. Алиса подумала, что парень, наверное, сам грабитель или... разносчик болезни? Иначе зачем ему этот мешок?

– Кто ты такой? – спросила она и, не дожидаясь ответа, добавила: – Чего они от тебя хотели? И зачем тебе мешок на голове?

Встав на ноги, он посмотрел на нее. Грубая ткань так плотно прилегала к лицу, что Алиса даже могла разобрать выражение его лица, полного страха и отчаяния.

– Я сбежал... – сказал он тихо, с болезненным хрипом в голосе.

– И эти трое хотели вернуть тебя назад? – предположила девушка.

– Не всего. – Он грустно ухмыльнулся и провел пальцем себе по горлу. – Мне нужно идти. Скоро тут будет стража. Я их уже слышу.

Алиса лишь пожала плечами. Она слышала шум, доносившийся со Складской улицы, но разобрать отдельных голосов не могла. Несмотря на свое заявление, что ему нужно бежать, парень стоял на месте как вкопанный.

– Ну и? – спросила она.

– Эм... – парень замялся, – спасибо вам...

Алиса улыбнулась. Это проявление вежливости вдруг тронуло ее. Девушка сдернула с себя тяжелый шерстяной плащ с капюшоном, который когда-то принадлежал настоящему сэру Денериму.

– Вот, возьми, – она бросила накидку в руки оборванцу, – беглец.

В плаще все равно было слишком жарко. К тому же он был ей не к лицу.

Парень кивнул и тут же бросился бежать, на ходу облачаясь в плащ.

– Мисс, вы в порядке? – раздался голос за спиной.

Алиса обернулась и увидела троих стражников. Двое с мечами, в шишаках и кольчугах, видимо, были обычными солдатами. Мужчина в легкой кирасе, при рапире и пистолете, думалось девушке, был офицером. Именно он и говорил.

– Мэм, – поправила его Алиса, памятуя вчерашний разговор с Томасом.

Как только хозяин гостиницы оставил их троих наедине в отведенном номере, Томас принялся рассказывать, как им нужно себя вести в городе. Раскладывая по полу и систематизируя вещи убитых путешественников, он говорил: «Мы всегда должны помнить, кого мы тут изображаем. Мы уже больше не беглые каторжники. Мы – трио детективов, которые прибыли в город по приглашению архонта. Сэр Эдмунд Джерард Денерим, его сквайр Феон-Луис Арчи и жена его, Кристина. Это наши роли, только если актеров за плохое исполнение закидали бы помидорами – нас казнят».

– Простите, мэм, – извинился офицер, затем повторил: – С вами все хорошо?

– Да, да, – улыбнулась она, делая вид, что поправляет волосы.

– Можно увидеть ваши документы?

Алиса скорчила недовольную гримасу. Они все еще стояли по щиколотку в грязи, да и воняло тут страшно. Она вытащила небольшую стопку бумаг из дорожной сумки на поясе, нашла дорожный паспорт и протянула его офицеру.

– Что вы тут делаете? – спросил один из солдат, пока его начальник изучал документ. – Мы слышали шум и видели, как...

– Какой-то оборванец сорвал с меня кошелек, и я побежала за ним.

– Да, – произнес офицер, – только на вас был плащ.

Алиса взглянула на него с неподдельной злобой. *Да кто ты такой, чтобы меня спрашивать?* Ей сейчас хотелось только одного – ударить нахала как можно сильнее, поставить его на место.

С большим трудом Алиса сдержалась.

– Двое напали на меня тут, в аллее, и сорвали плащ... без сомнения, они хотели...

– О, прошу прощения, мэ. – Офицер сделал вид, что ему и правда жаль это слушать. Он протянул Алисе паспорт, но, когда ее рука легла на толстую бумагу, вдруг добавил, не отпуская документа: – А куда они потом делись?

Его глаза внимательно изучали оружие на ее поясе – короткий меч и двуствольный пистоль. И ножны, и кобура были скреплены бечевкой с сургучной печатью. Такие печати, называемые «оружейными чипами», ставили на всех воротах при въезде в город, а также в порту. Никто так и не понял, откуда Томас достал образец, но к утру все их оружие уже было им «очиповано». Подделки, на взгляд Алисы, ничем не отличались от оригинала. Лишь хитрый узелок на основании бечевки позволял вытаскивать оружие и убирать обратно без повреждения печати сколько угодно раз.

Алиса с силой дернула паспорт, и тот выскочил из руки стражника.

– Те трое милых джентльменов в красном были столь любезны, что отогнали грабителей.

Кем бы они там на самом деле ни были, эти типы не стали бы обращаться к стражникам. Алиса решила для себя, что они не стали бы с ними даже говорить. Она могла рассказывать про них любые небылицы, все равно некому было опровергнуть ее слова.

– Но мы видели... – с сомнением в голосе начал офицер.

– Да мне плевать, что вы видели! – вдруг взорвалась Алиса – Меня тут чуть было не обесчестили какие-то вонючие блохастые дикари! А где были вы в тот момент, со всеми вашими вопросами?

Офицер хотел что-то сказать, но не сумел даже и слова вставить.

– Как вас зовут? Мой сэр непременно узнает об этом! – продолжала кричать Алиса.

– Мэм... я... мэ... пожалуйста... мэ... успокойтесь... я...

– Как вы можете называть себя хранителями спокойствия, когда на ваших улицах среди бела дня с деву... женщины срывают кошелек, а затем... – Алиса уже чувствовала, что перегибает палку.

– Мэм, послушайте, – наконец-то сумел вставить свое слово офицер. – Мне очень жаль, что вы попали в такую неприятную ситуацию. Бобби, – он обратился к одному из своих солдат, – проводите мадам Арчи туда, куда она попросит.

– Да, сэр... – ответил Бобби без явного энтузиазма. Его не прельщала перспектива прогулки с истеричкой, склонной попадать в беду.

Алиса бросила на офицера еще один недобрый взгляд и начала убирать документы в сумку. Неожиданно в ее руке оказался листок, затерявшийся в документах.

– Вы сможете отвести меня сюда? – спросила она стражника, демонстрируя бумагу, когда его коллеги, попрощавшись и пожелав доброго пути, покинули их.

С секунду на его лице было удивление, затем что-то вроде шока, а затем он расплылся в довольной улыбке.

– Вы уверены, мэ? – спросил он.

Алиса кивнула.

На листке была изображена препохабнейшая картинка, ключевым элементом которой была ухмыляющаяся змея и надпись «Веселый змей Кретч». Алиса прекрасно понимала, что это рекламная брошюра местного борделя.

Мужчины, Томас и Эрик, не придали бумажке никакого значения, когда нашли ее среди остальных документов. Томас позволил себе пошлый комментарий насчет названия борделя, а Эрик наградил его суровым взглядом. Крестьянин был человеком семейным и не признавал таких развлечений. Но внимание Алисы привлекла не пошлая картинка и не дурацкая игра слов, а то, что с обратной стороны листка было аккуратно выведено изображение масляной лампы черного цвета.

«...Зовут себя они черными лампами...» – прозвучали в ее голове слова Лэнгли.

Алиса обратила внимание Томаса на это, но тот ответил, что, скорее всего, рисунок этот – образец символики, что, дескать, его сделали на первом попавшемся под руку листке.

Быть может, Томас проявил такую глупость из-за усталости, быть может – из-за возраста. Но Алису его отношение оскорбило. Она не стала спрашивать его, каким образом рекламный листок кретчийского борделя вдруг случайно оказался под рукой у детективов из Многоречья. Девушка просто убрала бумажку к себе в сумку.

Бобби оказался почти таким же любителем вопросов, как и его начальник. «Неужели их специально этому обучают? – думала Алиса, ступая по грязи рядом со стражником. – Или эти двое родственники?»

Алиса отвечала на его вопросы уклончиво. Когда она не знала, что сказать, девушка просто улыбалась. Но на главный вопрос – что же она забыла в этом борделе? – ответила однозначно: ее сэр устал с дороги и, как обычно, искал женской компании. Поиск подходящей профессионалки входил в обязанности слуг, а позволить своему мужу-сквайру оказаться в подобном заведении она просто не могла.

Их недолгий путь по спутанным улочкам прошел без каких-то заметных событий. Порой из грязных халуп и теней в переулках на них смотрели любопытные глаза. Но никто не отважился подойти к стражнику и его спутнице, вооруженной до зубов.

– Вас, наверное, нужно будет проводить и назад? – спросил стражник, когда впереди показались очертания борделя, самого большого здания в этом нищенском районе.

Первые два этажа были сложены из белого камня и казались старше всего города. Камни были разными по размеру, но при этом идеально подогнанными друг к другу. Их белизна оказалась обманчива – на гладкой поверхности проступали тонкие голубые прожилки. Кое-где в труднодоступных уголках и стыках камней можно было заметить черные следы сажи. Третий этаж был сложен из камня лишь частично. То ли здание когда-то обрушилось, то ли его так и недостроили. Так что часть стен там и крыша были сделаны из древесины. Конструкция, громоздившаяся на старинном основании, выглядела хаотично, подобно всему району. Однако, в отличие от остальных домов, тут в какой-то степени была красивой. Четыре массивные колонны, обвитые изображением змей, поддерживали большой открытый балкон верхнего этажа. Из ломаной крыши торчали многочисленные, чадающие дымком трубы.

– Нет, не думаю, что это понадобится, – наконец ответила Алиса, – но думаю, что, если ты побудешь тут какое-то время сам по себе, твое начальство об этом не узнает.

– Спасибо, мэм! – Бобби просто засиял.

– Я найду тебя, если мне понадобится твоя помощь, – произнесла девушка чуть ли не вслед стражнику.

Тот буквально побежал вперед, к открытым дверям, из которых доносилась музыка и девичий смех.

Алиса подождала, пока он пройдет внутрь, и только спустя минуту последовала за ним.

Внутри было не оченьлюдно – так ей, по крайней мере, показалось. Большой зал, занимавший почти половину первого этажа, был умело разделен переносными ширмами. Где-то к потолку были подвешены широкие металлические кольца, с которых свисали плотные

шторы. Порой эти шторы слегка подергивались, когда изнутри доносились приглушенные звуки.

Повсюду царили мягкие темные тона – дерево, шелк, бархат, медь, железо.

Освещение тут было соответствующим, весь зал пребывал в полумраке и легкой дымке, исходившей от массивных медных курильниц. В воздухе стоял дурманящий аромат благовоний.

– Оружие, мисс, – произнес голос над ее плечом. Она даже не заметила, как охранник подошел к ней.

Алиса посмотрела на него – огромного лысого громилу, – затем на шкаф с оружием у него за спиной. Среди прочего на полках лежал меч Бобби. Да уж...

Делать было нечего. Девушка улыбнулась и сняла с себя оружейный пояс. Громила осторожно принял его из ее рук и положил к остальным вещам.

– Прошу, проходите, – безразлично улыбнулся он.

Алиса сделала, как ей сказали. До этого она еще не бывала в подобных заведениях, но отчего-то догадывалась, как тут все работает. Клиент мог подойти к одной из девушек, которые гуляли по залу в более чем откровенных нарядах, или выбрать себе место и ждать, пока ему предложат «меню». К слову, в «ассортименте» были не только девушки, но и юноши. Один из них наградил Алису то ли соблазнительным, то ли застенчивым взглядом. От этого взгляда у нее по спине побежали мурашки... столь велико было ее отвращение.

Кроме самых низменных утех тут было что-то наподобие музыкального салона, бар и сцена, на которой, судя по объявлению, по вечерам выступали танцовщицы. Хорошенько осмотревшись, Алиса решила направиться в сторону бара.

За стойкой она увидела девушку. Та привлекла ее внимание своей необычной для этого места одеждой. Когда другие старались показать как можно больше кожи, эта не показывала ее вообще. Затянутая в тугой корсет, в глухо застегнутой сорочке с длинными рукавами и высоким воротником, а также платьем в пол, она никак не походила на одну из «девочек». Подойдя поближе, Алиса увидела, что даже тонкие пальчики девушки скрыты под розовыми, в тон всего ее наряда, шелковыми перчатками. Блестящие в свете огней черные волосы ложились на хрупкие плечи. Аккуратно подогнанные прядки скрывали почти все лицо, которое, к слову, показалось Алисе очень привлекательным.

– Чего желаете? – спросила девушка в розовом, когда Алиса села на барный стул, прямо напротив нее.

– Для начала выпить, – выдохнула Алиса. Ей пришлось признаться, что тут она чувствовала себя даже более неудобно, чем в опасном Змеином переулке. Без оружия на поясе она ощущала себя голой, подобно местным «товарам». И подобно им, ей казалось, что ее вот-вот сожрут. Это было крайне неприятно, и ей хотелось хоть как-то заглушить страх. В конце концов, она тут по делу.

– Думаю, я знаю, что вам нужно.

Голос девушки был тихим, с легкой хрипотцой. На вид ей было не больше шестнадцати, по крайней мере, насколько можно было судить. При тонкой фигуре она была немногим выше самой Алисы, которая всегда считала себя чрезмерно высокой. Спустя мгновение в ловких тоненьких пальчиках барменши сверкнули сначала бокал толстого стекла, затем бутылка, и еще одна, и еще. Перед аристократкой появился ее напиток – янтарный и крепкий, даже судя по запаху, в котором преобладали все же ароматы трав и ягод.

Стакан был опустошен в два глотка. Волна приятного тепла тут же растеклась по ее телу, принося легкость и какое-то подобие спокойствия. Девушка собралась с мыслями, выудила из сумки листок и положила его на стол.

– Что ты можешь сказать об этом? – спросила она барменшу, внимательно следя за ее реакцией.

– О, какая прелесть! – вдруг улыбнулась та. – Можно мне посмотреть поближе? – Алиса кивнула. – Это наша реклама, но очень старая. Еще до пож... – Она вдруг запнулась. – ... Когда-то давно такие заказывал в типографии мой папа. Кажется, их делали по его эскизам.

Под челкой было видно, что барменша улыбается.

– А с обратной стороны? – спросила Алиса.

Девушка перевернула листок, посмотрела на черную лампу и лишь покачала головой.

– Даже и не знаю, что это, – сказала она, затем вдруг спросила: – Вы бы не могли продать ее мне?

Алиса задумалась. Если листовка была такой старой, то она и правда могла попасть в Многоречье случайно. Похоже, она зря теряла время.

– Возьмите его себе. – Алиса пожала плечами: копия символики у нее имелась. – Мне он ни к чему.

Барменша буквально застыла на месте, не зная, что сказать.

В этот момент за барной стойкой появился еще один человек. Он вышел из задней комнаты и тут же направился к ним. Мужчина был значительно старше девушки и лишь немногим уступал ей в росте. Он был крепко сбит и толст. Густой черный волос вился на его широких руках и на загорелом лице. Лишь самая верхушка головы была лишена какой-либо растительности.

– Джиа, детка, – он обратился к барменше, – ты что-то неважно выглядишь, что случилось?

Девушка отшатнулась от него, когда мужчина попытался прикоснуться к ее лицу. Ее волосы всколыхнулись, и Алиса вдруг увидела уродливый шрам, поднимающийся из-за воротника по щеке.

– Дядя Сэм, посмотри на это. – Она протянула ему листовку.

Мужчина принял бумажку, глянул на нее без какого-либо интереса, затем на Алису и вновь на листовку.

– Эта милая женщина подарила мне ее.

– Мило, конечно, но не... – Говоря, он вертел листок в руках и вдруг запнулся на полуслове, когда взглянул на оборотную сторону.

Что-то во взгляде дяди Сэма изменилось. Его глаза будто превратились в две невидящие стекляшки.

– Джиа, детка... сходи в мой кабинет и принеси шкатулку из сейфа, – произнес он, глядя куда-то в пустоту, а затем протянул девушке ключ, – прямо сейчас.

Алиса обернулась на стойку с оружием. Та была чертовски далеко. Зато на столе все еще стояла одна из тяжелых бутылок, оставленная барменшей. Аристократка взяла ее в руки, делая вид, что разглядывает этикетку.

Когда Джиа поспешно ушла, ее дядя обратился к госте.

– Я уже боялся, что вы не появитесь... – произнес он чуть ли не шепотом.

Алиса не знала, что ответить. Неожиданно ей вспомнился Эрик, и девушка решила последовать примеру своего неразговорчивого компаньона. Она промолчала и посмотрела собеседнику прямо в глаза. Ее лицо, она надеялась, не проявляло при этом ни одной эмоции. Когда их взгляды соприкоснулись, Алиса поняла, что мужчина боится ее ничуть не меньше, чем она его.

С грохотом Алиса поставила бутылку на стол. Мужчина вздрогнул и вдруг произнес:

– Напитки за мой счет, безусловно... – в его голосе была поддельная любезность, – и не только напитки, если пожелаете.

– Я обойдусь, – сухо ответила она.

Ей безумно хотелось спросить, что все это значит, но она понимала, что делать этого не стоит. Сама ситуация подразумевала, что Алиса знает, о чем идет речь.

Вскоре вновь появилась Джиа, с простой деревянной шкатулкой в руках.

Мужчина принял ее из рук племянницы и тут же, словно та была нестерпимо горячей, поставил на стол перед Алисой.

– Это все? – спросила она.

Мужчина посмотрел на нее непонимающе, а Джиа точно так же посмотрела на них обоих.

– Тогда я забираю ее, – произнесла она не то утвердительно, не то вопросительно.

Дядя Сэм слабо кивнул. Его лысина покраснела, лицо стало пунцовым. Казалось, он сейчас взорвется от волнения и страха, переполнявших его.

– Всего доброго, – произнесла Алиса, взяла шкатулку и направилась к выходу.

Томас

Эрик все стоял возле лавки торговца солью и перебирал склянки, увлеченно беседуя с продавцом. Конечно же в продаже имелась и обычная соль, она продавалась на развес. Но кроме поваренной тут имелось и множество других сортов – каждый в своей баночке, они громоздились на деревянном лотке. Тут была и морская соль, и озерная, и «слезы камней». Была и совсем мелкая, и в больших кристаллах, белая, серая, синяя, красная... не было только черной – пороха. Томас прекрасно знал, что не каждая соль тут является по сути своей солью. Люди ученые давали разным субстанциям свои замысловатые имена, люд же простой вроде Эрика все называл просто солью. Первые знали, как использовать скрытые свойства солей, вторые же верили, что разноцветный порошок обладает волшебной силой. На самом деле соль была полезна – с ее помощью, например, ковали самую лучшую сталь. Один сорт использовали в кузнечном деле, другой в плотницком. Из солей смешивали эликсиры алхимии, ими, наравне с травами, лечили болезни. Сам Томас порой изготавливал из нее разные «трюки» – дымовые бомбы, «вспышки» и многое другое. Но было у соли и иное применение. Из уст в уста в народе передавались заклинания, которыми соль заговаривали. Она должна была оберегать от сглаза, по мнению большинства.

Томас относился к этому суеверию с большой долей скептицизма. Колдовство было частью мира, но такие поверья – это не колдовство. Настоящее волшебство было под запретом, и каждого, кто им промышлял, ждала ссылка в Скверные пустоши. К тому же настоящие артефакты, обладающие волшебной силой, люди уже много сотен лет как разучились делать. Томас в силу своей профессии не единожды сталкивался с волшебными предметами и знал, что это такое, не понаслышке. Артефакты были опасны, они разрушали души и отнимали жизни. Но еще опасней были люди, несущие хоть самую малую искорку волшебства. Колдовство являлось разрушительной силой и оттого в каждом городе было под строжайшим запретом. Соли же... соли продавались на каждом углу.

Старому вору порядком поднадоело отваживаться от крестьянина местных подрезал. Каждый захудалый карманник уже приметил пухлый кошелек на поясе Эрика. Парень не убрал его, как Томас ни уговаривал. Иногда старику казалось, что тот не слышит половину слов, что ему говорят.

Первым делом, проснувшись, с утра они направились к ближайшему меняле с пятью золотыми перстами. Этого количества хватило, чтобы набить два кошелька серебром и медью под завязку. Деньги они разделили пополам.

Соучастник из крестьянина, мягко говоря, получался неважный. Из девчонки, кстати, тоже. Но Томас решил для себя, что будет держаться их, пока ему это выгодно и безопасно. Во-первых, они были нужны, чтобы исполнять свои роли. Не играешь по правилам этого Лэнгли – не получаешь его защиты. А во-вторых... Томас был стар, и без помощи ему пришлось бы туго. Алиса хороша в бою, хоть и вспыльчива. Парень тоже своенравен, но он... он... честно говоря, Томас не мог представить, чем тот мог оказаться ему полезен.

– Пойдем уже! – произнес старик, похлопывая спутника по плечу.

– Да, конечно, – ответил Эрик, обращаясь то ли к Томасу, то ли к торговцу, – два веса дальнейшей синей, и смешайте ее один к одному с поваренной.

Когда торговец закончил свои хитрые манипуляции, в его кармане оказалась увесистая серебряная монета, а на поясе Эрика мешочек с солью.

Томас обреченно вздохнул. Он не понимал, как можно тратить деньги, да еще такие немаленькие, на подобные глупости.

– Это для защиты, – пояснил Эрик, поймав его взгляд, – так нужно.

– Ну тогда отсыпь мне полмешочка, – рассмеялся старик.

– Ты все равно не умеешь ею пользоваться. Зачем?

Томас придумал скабрзную шутку, но Эрик уже перестал его слушать и направился гулять дальше. Старый вор хотел было оставить его на «растерзание» своим юным коллегам, которых в Кретче, а особенно на его самом оживленном рынке, было хоть отбавляй. Но затем он подумал, что ему жалко парня, а в большей степени – жалко таких денег.

«Пьяный купец» стоял на границе Рыночной площади, которая была самой южной точкой города. Она располагалась на берегу озера, и к ее набережной было пришвартовано множество суденышек, многие из которых сразу были и лавками, – не всем хватало места на брусчатке. Несмотря на обилие товаров, которое можно было тут найти, ничего полезного Томас не видел.

Еще немного погуляв между рядами, они двинулись на север, по Купеческой улице, которая перетекала в Ремесленную.

Вот там было на что поглядеть. Конечно, с Алисой они договорились, что пойдут покупать себе одежду, подходящую для официальных поводов: среди документов обнаружилось приглашение на званый ужин в замке Фейрфакс. Ужин должен был состояться всего через день, и аристократка настояла, чтобы они подготовились к нему «как следует». Конечно же, оказавшись возле котла ткачей, мужчины прошли мимо.

Вместо этого Томас предложил заглянуть в несколько куда более интересных, на его взгляд, магазинов. Эрик не имел ничего против.

Интересными лавками были в первую очередь мастерские часовщиков и замочных дел мастеров. Там можно было купить разного рода отвертки, щупы, пинцеты... Прелесть профессии вора заключалась в том, что подходящий инструмент можно достать в любом крупном городе.

Когда продавцы интересовались, зачем Томасу тот или иной предмет, тот отвечал фразами, заученными еще десятилетия назад: «починить часы», «выправить запавшую щеколду», «настроить клавесин». Один мастер по замкам оказался особо придирчив, но, когда Эрик, кашлянув, продемонстрировал тому свой рыцарский перстень, сразу же заткнулся.

В итоге инструментов стало так много, что Томасу пришлось купить для них отдельную кожаную сумку. Эрик предложил старику свою помощь, заметив, что тому тяжело, но вор отказался из гордости.

Занимаясь покупками, Томас не забывал узнавать и последние слухи. Но торговцы оказывались либо невероятно узколобыми болванами, не видящими дальше собственного прилавка, либо столь же невероятными молчунами.

Изрядно подустав, мужчины перекусили колбасой и пивом в небольшой забегаловке на площади Одинокой Башни. Колбаса была горячей, полной сока и пряностей, а пиво не слишком кислым и достаточно крепким. Томас уже собирался предложить идти обратно, когда вдруг заговорил его молчаливый спутник.

– Нам стоит зайти в храм, – ни с того ни с сего предложил он.

– Но зачем? – пожал плечами Томас. – Разве Высшим есть хоть какое-то дело до нас? Не думаю, что они услышат наши молитвы.

– На длани Высших дурак говорит, а мудрец слушает, – выдал Эрик.

– Тогда проповедники редкостные дураки, – рассмеялся Томас и только спустя мгновение понял, что имеет в виду крестьянин.

Храм был лучшим местом, чтобы собрать все самые свежие слухи и узнать, что же происходит в городе. В их ситуации это было очень даже кстати. Без сомнения, Эрик видел попытки Томаса разговаривать торгашей и теперь предлагал свое решение проблемы. Крестьянин приятно удивил вора.

Идти до храма было не так уж и далеко. Улица, ведущая к нему, так и называлась – Храмовой. Располагались тут в основном особняки, и наметанный глаз вора сразу подметил, где и как в них стоит пробираться, если вдруг захочется разжиться парочкой серебряных подсвечников или личных документов. Были и технические строения. Одно, судя по надписи, было станцией газоснабжения, а второе, громыхающее ближе к реке, – водозабором городского водопровода. Храм – массивное здание белого мрамора – стоял в той точке, где скалу надвое рассекало полотно реки. На другом берегу громоздился замок Фейрфакс – резиденция архонта. Казалось, что храм был когда-то его частью, которая откололась после грандиозного катаклизма.

Многочисленные резные колонны, каждая не меньше чем в шесть обхватов, поддерживали высокие расписные своды Дома Высших. Крутые ступени (чрезмерно крутые, на взгляд Томаса) вели к открытой части храма, где проходили массовые служения и велись проповеди. Дальше храм разделялся на несколько залов. Один служил для поминальных служб и погребений, второй для молитв, третий был отведен под скрипторий и библиотеку. У храма было множество технических помещений, но все они были умело скрыты от глаз прихожан. Здание лишь немного выходило из скалы, и не было до конца ясно, как далеко вглубь оно простирается.

Сейчас в открытой части собралось немало народу, и поначалу Томас обрадовался – в такой-то толпе он найдет подходящего трепача. Но затем вор начал замечать, что народ, собравшийся тут, чем-то обеспокоен. Женщины перешептывались у колонн, взгляды мужчин были полны беспокойства.

Томас и Эрик двинулись вперед, к трибуне, и вскоре услышали голос, доносившийся с нее.

– ...И пришла тьма на земли тех-кто-был-до, и тьма та именовалась Скверной, – говорил он с религиозным упоением. – И пожрала Скверна земли их, и детей, и матерей их, и злата...

На взгляд Томаса, эти исступленные стенания ничем не отличались от того, что он раньше слышал в храмах. Визиты его в подобные места были краткими – либо по делу... либо проводить ушедшего из жизни товарища. В последние годы, к его сожалению, второе происходило уж слишком часто. Но если в проповеди все было в порядке, то откуда же столько народу и откуда взялось их волнение?

Эрик легонько толкнул Томаса в плечо и указал ему на группу людей чуть правее трибуны. Их было чуть больше дюжины. Большинство – здоровенные мужики в красном, все как один при бородах, топорах и доспехах. «Наемники», – подумал Томас. Но один человек, тот, что отдавал им указания, был облачен в белоснежный сюртук и такие же перчатки. Даже брюки его и сапоги, вор заметил сквозь толпу, были белыми.

Вор и крестьянин выбрали подходящее местечко, чтобы наблюдать за происходящим, – на высокой опоре одной из колонн. Каменный уступ был достаточно широк, чтобы сразу нескольким людям можно было на нем встать. Когда их взгляды вновь обратились к трибуне, священника на ней уже не было, но был человек в белом. Томас пригляделся и уви-

дел, что предыдущего оратора, несмотря на его возражения, тащат куда-то в сторону двое наемников. В храме была стража, и было их побольше, чем бородачей, но от них никакой реакции не последовало.

– Братья и сестры! – начал мужчина тоном совершенно не церковным, а скорее светским. – Мое имя – пастор Торч. И я принес вам благую весть. Вскоре славный город Кретч будет очищен от Скверны раз и навсегда. С благословения архонта Кретчийского Эдварда Нолана Гамельского Второго в городе начинается свою деятельность храм Чистоты. Дни Скверны будут окончены!

Несколько человек поддержали его восторженными криками, но большая часть толпы продолжала обеспокоенно переговариваться.

– Преподобный Элмунд, столь любезно предоставивший мне слово, – продолжал Торч, – не зря поднял вопрос появления Скверны. Да, он совершенно прав, та явилась наказанием за гордыню наших предтеч. Скверна, их собственное оружие, помогавшее созидать города и спасать жизни... обратилась против них самих. Останки того зла до сей поры терзают наши земли и наши души. Не стоит заблуждаться, что зло скрыто в Скверных пустошах и мы ограждены от него. СКВЕРНА УЖЕ ЗДЕСЬ! – вдруг прокричал он, и его слова буквально сотрясли храм. – Ее присутствие – в каждом из нас! Колдунов и ведьм ссылают к Скверне потому, что их сила дарована Скверной! Но ведьма может родиться в семье любого, а значит, и Скверна скрыта в любом! Она спит, копит силы, готовится к удару! Она приносит нам болезни, боль, жестокость, страх... смерть и ОГОНЬ! – Последнее слово прокатилось по залу волной ужаса, раздались крики людей, плач. Но Томас слышал, что многие уже поддерживали человека в белом. А тот все продолжал: – Но спасение есть! Придите ко мне и очиститесь от яда в ваших сердцах! Откройтесь истине, откройтесь для спасения! Избавьтесь от проклятия Скверны на вас!

– Довольно, – вдруг раздался спокойный голос рядом с Томасом.

Эрик говорил негромко, но почему-то одно его слово вдруг заставило замолчать всех присутствующих. Даже Томас обнаружил, что не может ничего сказать, чтобы остановить сумасбродного парня.

– С меня хватит этой лжи. – Крестьянин встал в полный рост и сейчас, стоя на уступе колонны, возвышался над всей толпой. – Колдовство – не Скверна, а Скверна – не колдовство. Каждый здесь знает это. Соли земные, Эво, есть благословение Высших. Они оберегают по велению Высших, так же как и колдуны. В них Высшие вдохнули Эво. Оттуда в колдунах и сила бороться со Скверной. Потому их и посылают в пустоши, чтобы оберегать нас. Мы и так чисты перед собой и Высшими. Никому тут не нужно твоего «очищения», белоручка!

В зале раздался смех, кто-то даже заплодировал парню.

Торч не отвечал. Он отвернулся от кафедры и бросил пару слов своим наемникам, те тут же пришли в движение.

– Кто ты такой, чтобы оспаривать мое слово? – спокойно спросил человек в белом, когда его люди двинулись по толпе в их сторону.

Томас подскочил к Эрику и толкнул того в плечо. «А теперь заткнись!» – буркнул он, ловким движением выдергивая паспорт из кармана парня. Он быстро сверился с бумажкой и произнес так громко, как мог:

– Добрые жители Кретча! Перед вами сэр Эдмунд Джерард Денерим, рыцарь, чемпион турниров при Четырехустье, Златокопье и Орлином Клюве, носитель печати архонта!

– Что? – Лицо Эрика выражало искреннее удивление.

– Перстень им покажи, рыцарь, – шепнул старик, а затем добавил уже про себя: «Ну почему же ты такой говорливый, только когда не нужно?»

Эрик вскинул руку и продемонстрировал всем перстень рыцаря. Мелкая золотая побрякушка вдруг так засияла, что Томасу показалось, будто она сама источает свет.

Стражники в зале моментально пришли в движение, не все, но многие. И когда красные наемники оказались возле постамента, на котором стояли они с Эриком, возле него было и с десятком вооруженных охранников, и еще больше обычных прихожан, которые преграждали им путь. Все видели, что случилось пару минут назад со священником. Архонт был высшей религиозной властью в городе, так что Торч, представившись его прямым ставленником, мог позволить себе подобные выходки. Но вот поднимать руку на другого ставленника архонта проповедник не мог ни при каких обстоятельствах.

Томас специально не упомянул, что рыцарскую печать сэр Денерим получил не от местного архонта, а от правителя Многогоречья... в умах горожан они с Торчем были равны в правах. Но о храме Чистоты раньше никто не слышал, а рыцари всегда были любимы в сердцах народа.

Томас выругался про себя. Им нужно было избегать внимания, а не становиться известными на весь город. Сейчас крестьянин буквально подводил их под эшафот. Но старик понимал, что, если он не будет подыгрывать парню, смерть от рук наемников им гарантирована прямо сейчас.

Вдалеке начал говорить Торч, его голос был громким и напряженным. Проповедник с большим трудом сдерживал ярость:

– Слово мое есть слово...

– Не слушайте лжепророка! – прервал речь проводника Эрик. – Идите домой, к своим семьям, возвращайтесь к работе. Молитесь Высшим, сохраняя истинную веру. И если помыслы ваши чисты, то и сами вы чисты. Нет нужды ни в каком очищении! Не слушайте лжепророка!

К огромному удивлению Томаса, весь люд, скопившийся в храме, вдруг пришел в движение. Прихожане отворачивались от трибуны и направлялись к ступеням на выход в город.

Пользуясь замешательством, возникшим в этот момент, старый вор подхватил крестьянина под руку и заставил спуститься вниз. Кто-то из людей хотел поблагодарить сэра Денерима за его слова, кто-то просто хотел прикоснуться к нему, но времени на это не было.

– Гребаный кретин! – со злостью в голосе шептал ему старик, пытаясь затеряться в толпе. – Ты же нас выдал. Нам дни осталось гулять на свободе, если не часы. Ты вообще головой думаешь?

Эрик молчал. В его взгляде не было ничего – ни гордости, ни сожаления. Он был таким же отрешенным, как всегда, будто ничего не произошло.

Вскоре они уже оказались на улице и быстро двинулись к площади Одинокой Башни. Томас оглянулся. Метрах в двухстах от них он заметил два красных пятна в толпе. Их преследовали. Томас хотел было разделиться... но так он поступил бы, работая на пару с профессионалом. С Эриком такой фокус не пройдет, а бросать парня смысла не было.

– За мной... – произнес он, кашлянув, и двинулся в сторону ближайшего переулка, – быстрее.

Вместе они ушли с улицы и двинулись меж домов. Томас помнил это место еще со времени своего последнего визита в город. В тот раз он убегал тем же маршрутом, подготовив его заранее. Так что сейчас они должны уйти от преследования без проблем...

– Проклятье! – воскликнул вор, увидев перед собой тупик. – Тут не должно было быть этой стены!

Но стена была, и была она высотой под четыре метра. Задняя стена недавно возведенного дома имела в себе лишь одну дверь, и та была заколочена досками крест-накрест.

За спиной лязгнула сталь. Томас обернулся и увидел двух красных наемников. Один сжимал в руках топор, а второй разминал костяшки пальцев. Они стояли широко, отрезая последнюю возможность бежать из глухого переулка.

– Г’осподин, это вы г’оворили в храме? – спросил один из них с акцентом вольных земель, обращаясь Эрику.

– Послушайте, мы не хотим неприятностей! – произнес Томас, продумывая на ходу варианты, как выбраться из этой передряги. – Мы можем вам заплатить.

Они, конечно, согласятся на деньги и, когда Томас подойдет к ним, чтобы отдать кошелёк, попытаются его убить. Томас уже прятал в руке острое лезвие и был готов к такому развитию.

– Вот, возьмите. – Крестьянин бросил им мешочек, и один из наемников поймал тот в воздухе.

– Это что, ш’утка? – улыбнулся он, высыпая на брусчатку соль.

«Зачем он это сделал? Что происходит?» – лихорадочно соображал Томас.

– Нет, нет! Вот деньги! Возьмите! – Вор запаниковал и дернулся вперед.

В ту же секунду невооруженный наемник развернулся на месте и со всей силы ударил его ногой в грудь. Что-то хрустнуло у старика в спине, и дикая боль накрыла все его естество. Он рухнул на брусчатку в нескольких метрах от нападавшего.

Из раскрывшейся сумки посыпались его инструменты – тонкие блестящие щупы, пинцеты, сверла. Они бились о камни со звоном, подскакивали, переворачивались и вновь звенели. Их полированная поверхность блестела на солнце. Время будто замедлилось.

Жалкий старик и его игрушки лежали на земле. Наемники прошли мимо него, прижимая отступающего крестьянина к предательской стене. Их спины были открыты для удара, но Томас не мог встать. Проклятые кости, проклятая слабость, проклятый возраст...

Мужчина с топором поигрывал своим оружием в руках, готовый в любой момент занести его для смертельного удара.

И тогда Томас услышал голос Эрика. Он слышал, но не мог разобрать слов. Быть может, это в его ушах все еще звенело от боли, а может... нет, точно... парень говорил на чужом языке, столь диком и странном, что от одного его звука все внутри сотрясилось дрожью. И дрожь эта была куда сильнее самой жгучей боли.

От этих тихих слов соль, просыпанная наемником, вдруг пришла в движение, поднялась в воздух искрящимся вихрем и образовала плотную, почти непроглядную фигуру. Соляной человек бесшумно двинулся вперед, хотя ног у него не было. Зато были руки – два огромных потока белых и синих круп. Достигнув наемников, соль подхватила одного за ногу, а второго ударила по голове наотмашь. Облако бело-синих искр вдруг вспыхнуло ярким светом и тут же исчезло.

Двое наемников в красном валялись на земле. Перешагнув через них, Эрик подошел к Томасу, склонился над ним и протянул руку.

Старик посмотрел на парня без всякого доверия.

– Соль, значит, для защиты, да? – спросил он.

– Да, – ответил тот, – и я умею пользоваться ею.

Томас позволил помочь себе встать.

Сэм

Весь день Сэм провел на крыше какой-то халупы в Змеином переулке, лежа на дареном плаще. Место для отдыха он выбрал не случайно. Возвышающееся рядом здание борделя прикрывало его от ненужных взглядов патрульных со стены Старого города, но не от солнца. Теплые лучи согревали измученное тело и напивали его силами. Вместо шрамов на местах ранений образовалась грубая кора. Несколько сбитых ногтей слезли,

но на их местах уже появилось что-то наподобие коротких и острых когтей. Какое-то внутреннее ощущение не давало юноше запаниковать при виде этих изменений. Что-то в его душе знало, что это нормально, и садовник постепенно засыпал.

Провалившись в полудреме какое-то время, он вдруг осознал, что не испытывает чувства голода, лишь жажду. Желание напиться чистой воды было в нем сильно, но не настолько, чтобы раньше времени покинуть укрытие. Сэм решил подождать наступления ночи – тогда, под ее покровом, он замышлял пробраться домой.

Сэм не знал, что ему делать. Искать чьей-то помощи или бежать из города? Выжидать нужный момент или вновь попытаться освободить Катрин? Он гадал, сможет ли найти этого Лэнгли и согласится ли тот ему помогать.

Но в первую очередь он хотел добраться домой. Парень понимал, что там его могут ждать, но ему нужна была одежда, оружие и деньги. Да и, кроме того, Сэм хотел еще хотя бы разок повидаться с дедом.

Когда наконец стемнело, он осторожно спустился с крыши и, накинув капюшон на лицо, двинулся в сторону торгового причала. Плащ его вчерашней спасительницы изнутри пах вовсе не духами, а сталью и ржавчиной, будто в него заворачивали и так хранили садовый инвентарь. Вскоре он проскочил Складскую улицу, не столь оживленную ночью, и оказался у того самого здания, крышу которого проломил утром. Спустя какие-то минуты он был уже на пристани, как ему казалось, никем не замеченный.

Сэм спрятался ближе к одной из лодок, стянул с себя плащ и завязал его тугим узлом. Прижав этот сверток к себе и набрав побольше воздуха, он нырнул в темные воды озера.

Вода была мутной, грязной и отвратительной от бесконечных стоков из городской канализации. Сквозь плотную завесу грязи в ней не было видно практически ничего, но Сэм двигался, повинаясь своим инстинктам, примерно представляя, в какую сторону ему нужно плыть. Эта вода была ядовита для него, и как бы юноше ни хотелось впустить ее в свое тело, как бы сильно его ни мучила жажда – он не поддавался.

Через какое-то время воздух в его груди начал кончаться, и Сэм, почувствовав почти нестерпимое жжение, всплыл на поверхность. Шумно вздохнув, он остановился. Над ним громоздились стены форта Мейсер. Беглец поежился, вспоминая ту боль, что он испытал внутри этих стен.

Казалось, никто не смотрел вниз, на поверхность воды, но в форте горели фонари, и Сэм решил не испытывать судьбу. Он опять нырнул под воду.

Спустя еще два таких же всплытия юноша оказался возле набережной Старого города. С этой стороны стен не было, но плыть становилось сложнее – приходилось бороться с течением. Там, где он находился, озеро заканчивалось, и начиналась река со странным именем Монахов Спуск. Ее русло сужалось выше по течению ближе к форуму, и там быстрина была еще сильнее. Сэм вдруг подумал, что мог бы прыгнуть в реку с другой стороны Старого города, прямо с Большого Каменного моста, и плыть по течению. Но затем вспомнил, почему отказался от этой идеи. Мост был совсем близко к северным воротам Старого города и замку, а значит, и патрули там всегда ходили усиленные.

Плыть под водой не было уже никаких сил, и Сэм преодолел последние три десятка метров по поверхности. Не без труда он взобрался на небольшую паромную пристань и тут же повалился за бочки, стоящие на ней. Луч света из переносного фонаря скользнул по нему, прошел чуть дальше, остановился, вернулся... и двинулся дальше.

Сэм выглянул и краем глаза увидел троих патрульных. Они уже двигались дальше по набережной. Юноша развернул мокрый плащ, накинул его на себя и направился в сторону своего дома. Этот район он знал очень хорошо. По правую руку в ночи можно было увидеть склад, где он раньше работал, а по левую – харчевню, где днем он перекусывал похлебкой с лепешкой. В этой подворотне он первый раз всерьез подрался, а в таверне, что была всего

в паре минут отсюда, – впервые напился. Но все же Старый город так и не стал для него домом, все так же оставаясь местом изгнания.

Штаб-квартира серых плащей была совсем неподалеку, и Сэм проявлял особую осторожность. Он двигался медленно и замирал на месте при каждом шорохе. Осторожно выглядывая из-за угла, он проверял, нет ли кого на улице, и лишь удостоверившись, что все чисто, двигался дальше.

Добравшись до замкового котла – того, где стоял дом его деда, – юноша решил, что больше нет смысла идти по улицам. Осторожно забравшись наверх по стене ближайшего дома, он продолжил движение по крышам. С крыш было хорошо видно все, что происходило вокруг, и Сэму подумалось, что так ему будет значительно проще. И все же терять бдительности он не стал. В первую очередь решил осмотреть свой дом со стороны. Он как раз знал подходящее местечко на крыше пекарни. Не так давно он помогал ее хозяину, мистеру Тамету, подлатать черепицу и обратил внимание на то, как хорошо отсюда видны его окна.

Пробравшись над несколькими домами и преодолев прыжком один переулок, Сэм оказался на крыше пекарни. Прыжок вышел не совсем удачным и, ему показалось, создал слишком много шума. Но не успел Сэм мысленно выругать себя, как увидел силуэт человека, что сидел на крыше дома, прислонившись к печной трубе. Не надо быть очень умным, чтобы понять – это один из серых плащей. Сейчас, как думал юноша, враг не видел его... или делал вид, что не видит. В конце концов, он так сильно нашумел...

Мягко ступая по черепице, Сэм двинулся в его сторону. Несколько раз он замирал на месте, когда понимал, что издает слишком много шума, но плащ так и не реагировал. Его фигура была скрыта в тени от трубы. Быть может, постовой задремал?

Сэм решил, что зажмет ему рот и попытается узнать, где тут еще посты. Если что-то пойдет не так – вырубит его и бросится бежать. Он уже представлял, где можно спрятаться.

Оказавшись прямо за врагом, садовник схватил его сзади. Правой рукой он ощутил что-то влажное и липкое. Постовой от прикосновения потерял равновесие, повалился вниз и выскользнул из хватки, падая подобно тряпичной кукле. Сэм успел отреагировать вовремя – он вцепился в тело изо всех сил, чтобы не дать ему свалиться вниз. Грохот, без сомнения, разбудил бы весь котел.

Сэм уложил тело на черепицу, так, чтобы оно не рухнуло. У него уже не оставалось ни малейших сомнений, что перед ним – мертвец. Горло постового было разрезано от уха до уха. Кровь все еще лилась из раны. Несчастный даже не успел остыть. Парень испытал смешанные чувства, глядя на эту картину. С одной стороны, он ненавидел серых плащей, но с другой – уходить из жизни так не должен никто.

Сэм оставил мертвеца на крыше и двинулся дальше, к своему дому. Вскоре он наткнулся на еще одно тело. Убийца, кем бы он ни был, действовал точно так же – постовому порезали горло и оставили прислоненным к стене, будто тот все еще нес свою вахту.

Наконец добравшись до дома, садовник был полон мрачных ожиданий. Он перебрался на крышу, подобрался к краю и, свесившись, аккуратно заглянул в свое окно. Внутри было темно, но он хорошо видел, что комната пуста. Знакомым движением, как он делал не раз, когда убегал от деда, Сэм забрался в окно.

Он сделал всего пару шагов внутрь, когда голос за его спиной произнес:

– Добрый вечер, господин садовник.

Голос был монотонным. Сэм сразу узнал его.

– Если ты хоть пальцем тронул моего деда... – воскликнул он и с яростью бросился на звук голоса, но обнаружил там лишь пустоту.

– С ним все в порядке. По крайней мере, я могу уверить вас, что он жив.

На этот раз Сэм обернулся не столь резко. Мужчина с шестью черными слезами на лице стоял возле двери.

– Кто ты такой? – спросил парень, чуть ли не рыча. Что-то животное пробудилось в нем при виде убийцы, что-то жестокое, но он пытался не выпускать это наружу.

– Амок, – представился мужчина, – если вам так важны имена, господин садовник.

– Что ты делаешь у меня дома? – Сэм стал искать глазами по комнате свой серп, но никак не мог вспомнить, где оставил его в тот вечер, когда его арестовали.

Убийца поправил перчатки.

– Жду вас. Я хотел предложить свои услуги.

– Мне не нужна помощь... – сказал Сэм. Он собирался еще добавить пару ласковых, но Амок перебил его.

– Прошу прощения, но мне так не кажется, – проговорил он все так же, без единой интонации. – Вы могли обратить внимание, что мне несложно проникнуть в определенные места. Например, в форт Мейсер.

– Полю ты сказал, что сложно... – Сэму вспомнился его сокамерник.

– Я сказал, что его было сложно найти, но не добраться до него. В какой-то момент я даже подумал, что господин детектив совершил единственно верный поступок и сбежал из города. Я и подумать не мог, что он так легко попадется серым плащам. Кому угодно, только не этим дилетантам. Признаться, я был разочарован.

– Зачем ты его убил? – Кажется, Сэм заметил рукоять серпа возле зеркала. Он медленно двинулся в ее сторону.

– Нас связывали давние отношения. Он был охотником, я – лисой. Иногда наоборот. Это такая игра. Но проиграли мы оба.

– Почему?

– Игры – не мой конек. – Амок позволил себе тень улыбки.

– Я не понимаю – зачем ты вообще пришел ко мне? Убираешь свидетелей? – Сэм встал так, чтобы в любой момент схватиться за серп и при этом не спускать глаз с убийцы.

– О нет, нет. Хотя тяга к славе мне чужда, сколь и тяга к играм, я не из тех, кто устраняет свидетелей своей работы. Это ни к чему.

– А что те серые плащи? – Садовник указал за окно.

– Они помешали бы нашей беседе. Я и не мог подумать, что их смерть хоть как-нибудь вас огорчит, господин садовник.

– Хватит. Чего тебе от меня нужно?

– Все просто. Не все места столь открыты для меня, как та тюрьма. Замок Фейрфакс, к примеру. Мне доподлинно известно, что вы, господин садовник, хорошо знакомы с его интерьерами и некоторыми тайными ходами. Я хочу, чтобы завтрашней ночью во время звонного ужина вы незаметно пробрались в сад, высаженный вашим далеким предком, и вынесли оттуда небольшой сверток для меня.

Сэм посмотрел ему прямо в глаза.

– И зачем мне это делать?

– За тем, чтобы я вызволил вашего деда из рук господина следователя.

Алиса

Алиса вернулась в таверну ближе к вечеру. Страх и волнение, что взяли верх над ее мыслями в стенах «Веселого змея», еще долго не отпускали девушку. Первый раз оказавшись перед дверьми «Пьяного купца», она поняла, что не хочет идти внутрь и ей просто необходимо еще погулять. Поскольку у нее были еще кое-какие дела, Алиса решила, что может заняться ими. Она приобрела все необходимое для будущего приема – себе и компаньонам, а также еще кое-что, просто так. Обошлось ей все в солидную сумму, так что девушка надеялась, что размеры Томаса и Эрика она угадала правильно. Надежды на то, что эти двое приобретут себе хоть что-то более или менее подходящее, у нее не было.

В их комнату – большой, разделенный тонкими перегородками жилой зал на верхнем этаже «Купца» – она ввалилась не одна: за ней шли двое мальчишек с полными руками чехлов и коробок. В единственной сумке, что она несла сама, была скрыта та самая деревянная шкатулка. По ее указанию все вещи быстро сложили в углу, и мальчишки, получив по два медяка, убежали.

Ее компаньоны оба сидели за столом, возле большого окна. Реакция на появление аристократки почему-то была равнодушной. Эрик поприветствовал ее кивком, а Томас даже не обернулся. Казалось, что-то беспокоит их обоих.

– У меня для вас новость! – произнесла Алиса бодро. Ей уже значительно полегчало, и чувствовала она себя хорошо.

– У нас тоже, – буркнул Томас. В его голосе было какое-то напряжение.

Девушка направилась к ним, села рядом.

– Ну я не думаю, что ваши новости хоть как-то сравнятся с моей, – улыбнулась она, ставя на стол шкатулку. – Вы даже не представляете, что тут со мной случилось...

– Девочка, – грубо прервал ее Томас, – он колдун.

Алиса вопросительно уставилась сначала на Томаса, а затем на Эрика. Последний лишь пожал плечами и улыбнулся, как бы извиняясь.

– Не поняла...

– Ну помнишь, он говорил, что попал на каторгу, потому что торговал незаконным? – начал пояснять Томас.

Алиса неуверенно кивнула.

– Это не совсем правда... – тихо выдохнул Эрик.

Девушка улыбнулась и пустила нервный смешок. Она и так была сегодня на взводе и еле успокоилась, а тут еще и это.

– Вы, должно быть, шутите, да?

– Покажи ей, – произнес Томас.

– Не должно так... – начал отговариваться Эрик, но Томас его прервал.

– Покажи ей, – повторил он жестко.

Парень вздохнул и, взяв со стола солонку, рассыпал ее содержимое по столешнице. Он склонился над ней и что-то шепнул. Крупницы соли моментально пришли в движение, так, как если бы стол под ними заходил ходуном, но этого не было. Соль двигалась сама по себе. Спустя несколько секунд она образовала причудливый узор и вновь замерла.

Алиса не могла понять, что сейчас произошло, но не стали бы они так ее разыгрывать!

– Если ты колдун, то... – медленно произнесла она, – ...почему тебя не отправили в пустошь?

– Кстати, да, – согласился Томас, и они оба посмотрели на крестьянина.

Эрик тяжело вздохнул и начал свой рассказ:

– Это началось лет пять назад, когда случился неурожай. У меня ведь семья, понимаете. Пацанов кормить было нужно, вот я и решил. Ну решил, что можно поделками всякими торговать, оберегами. Бабка моя, прими ее Высшие, была знахаркой и повитухой. Я когда совсем малой был, она меня паре заговоров и научила, ну там как обереги делать, как злых духов в дом не пускать. Но чего в этом такого-то? Все так делают, принято так. Я собрал какое смог барахлишко по дому, поделки старые, безделушки и повез на базар. Первые пару дней обереги мои плохо продавались, а вот потом... оказалось, что работают они. Да так работают, как никакие другие.

На первую выручку купил еды разной, гостинцев детишкам, а Дане, женушке моей, – медальон из самого настоящего серебра, в виде нашего звездного знака – молота. Ну вот, так и повелось. Стал я каждый год ездить на базар и торговать оберегами. Весь год их на коленке дома собирал, а потом, как урожай проходил, – в город все вез, на продажу.

И со временем начал я понимать, как эта дурость моя работает, как у меня получаются заговоры настоящие. Эво, то бишь волшебство, оно ведь во всем есть. В нас с вами, в травинке каждой, даже в воздухе. А в соли его столько, что даже и представить нельзя. И оно живое, Эво, хорошее, оно нас оберегает, слушает... я просто научился его просить.

Барон мой был человек светлый, разумный. Он и сам мои обереги покупал. Приглашал в замок к нему, работу, деньги... да только кем я буду, если не на своей земле? Кто урожай собирать будет? – Томас грустно усмехнулся. – Сейчас, наверное, старшей мамке помогает... Да и, верно, к лучшему я отказался. Когда старый барон слег от болезни, титул унаследовал его зять. И вот этот меня не пожалел. Через пару недель домой ко мне его люди пришли и потребовали все обереги отдать. Я так и сделал, но они не унимались – сказали, чтобы я им и деньги отдал накопленные. Я отдал. Все отдал. И тогда один из них попытался на жену мою залезть...

Алиса почувствовала запах гари. Соляной символ на столе дымился и въедался в деревянную поверхность угольным ожогом.

– И что ты сделал? – спросил крестьянина Томас.

– Убил. Своими собственными руками задушил негодяя.

– Значит, тебя взяли за убийство? – спросил вор.

Эрик кивнул.

– Тебе повезло, что не за колдовство, – пояснил старик, – иначе всех детей тоже бы забрали, на случай если они унаследовали твой дар.

– Только это и радует... что с ними все хорошо.

Томас вопросительно посмотрел на него:

– Но откуда тебе...

– Я знаю, что с ними все хорошо, – жестко сказал крестьянин.

То ли он и правда знал, то ли пытался себя в этом убедить.

Когда Эрик закончил свой рассказ, над столом нависла тишина, смешанная с дымком от прожженного дерева. Алиса с трудом нашла в себе силы говорить.

– Как звали твоего барона? – спросила она.

– Моим лордом был и остается светлейший Алекс Фоулхантер, покровитель Тенистой долины и Алмазного озера, барон Ришвальдский. Да примут его Высшие.

Сердце больно кольнуло в груди девушки. Она еле сдерживалась, чтобы не заплакать.

– Скажи, Эрик... – произнесла она медленно, с опаской. – Это ты продал ему бронзовую голову гончей на железной цепи?

– Я подарил ее моему лорду.

Алиса резко встала со стула и направилась к выходу. Она услышала, как за спиной кто-то из мужчин тоже встает вслед за ней.

– Что ты собираешься делать? – окликнул ее Томас.

– Я собираюсь принести нам горячего вина, – произнесла Алиса не поворачиваясь, чтобы ее спутники не увидели слез, – а ты пока взгляни на шкатулку, что я принесла.

Алиса была сильной девушкой, но даже ей понадобилось какое-то время, чтобы успокоиться и перестать плакать. Перед ней впервые за эти месяцы предстало лицо отца, ей казалось, что она услышала его голос. Аристократка закрылась в ванной комнате, что располагалась дальше по коридору, и, сев на холодный пол, разрыдалась. Когда слезы перестали течь по ее щекам, она нашла в себе силы умыться и наконец-то сходить за вином.

По ее возвращении мужчины были все там же. В воздухе стоял дымок, но уже совсем иной – откинувшись на стуле, Эрик зажег трубку. Девушка впервые видела, чтобы тот курил. Томас же разложил перед собой инструменты – многочисленные блестящие железки. Алиса немного удивилась. Замок на шкатулке был маленьким, и вскрыть его можно было, как она считала, просто подцепив кончиком кинжала. Но вор пока даже не приступил к работе – он

только перекладывал инструменты с места на место, внимательно осматривая их и время от времени протирая тряпочкой.

– Все в порядке? – спросил Эрик, когда она поставила кувшин на стол.

– Нет, – ответила она коротко, а затем разлила вино по кружкам.

– Мне кажется, что ты не очень хорошо отнеслась к нашей новости, – предположил Томас.

Алису это предположение задело.

– Не будь дураком, – бросила она, – мне наплевать, что Эрик колдун. Он спас мне жизнь.

Крестьянин отложил трубочку и взглянул на девушку не без интереса.

– Я – Алиса Фоулхантер...

Томас удивленно присвистнул, а Эрик попытался вскочить на ноги, но Алиса остановила его жестом.

– Я соболезнаю по поводу кончины вашего отца, миледи, – произнес крестьянин. Что-то в его голосе изменилось.

– Спасибо. Но если бы не моя глупость, он был бы жив...

– Мне кажется, – произнес Эрик, – будет нелишним, если вы поделитесь с нами.

Алиса обратила внимание на то, как он вдруг стал к ней обращаться, но пока решила не поправлять крестьянина. Ей понадобилось еще мгновение, чтобы заговорить:

– Моя мама всегда болела. Она сама была северянкой, и у нас на юге ей было слишком душно, так она всегда говорила. После моего рождения она стала неспособна подарить отцу еще одного ребенка. Мальчика. Наследника.

– Дай угадаю, – вмешался Томас, – поэтому отец воспитывал тебя как парня?

На старика с возмущением посмотрели и Алиса, и Эрик.

– Хватит быть таким дураком, – огрызнулась девушка, – они с мамой воспитывали меня так, чтобы я могла вырастить им достойного внука. Половину времени я проводила, учась этикету, а половину – в тренировках с мечом. Они с матерью научили меня всему, что я сейчас знаю, сделали меня такой, какая я есть... Жаль, что мама не дожила до дня моего совершеннолетия, она так мечтала об этом... Болезнь все же забрала ее...

Алиса сделала паузу, чтобы выпить вина. В несколько глотков она осушила глиняную кружку, а затем налила себе еще из кувшина.

– В день, когда мне исполнилось шестнадцать лет, отец подарил мне амулет в виде головы гончей, нашего герба. А затем он объявил мне, что пора выбрать жениха. Конечно, традиции призывали меня вступить в брак, чтобы продолжить наш славный род. И я не имела ничего против, при условии что жениха я выберу сама. К сожалению, я так и не встретила ни одного достойного кандидата. Больше пяти лет я отвергала предложения одно за одним, и в конце концов отцу это надоело. Он объявил турнир за право обладать моей рукой... Со всех городов съезжались благородные женихи, а я красила доспех в черный цвет...

– Черный доспех? – переспросил Эрик.

– Она решила выступать без герба, как черный рыцарь, – пояснил ему Томас. – Смелый ход.

Алиса и продолжила:

– Первых трех противников я раскидала подобно листве в осеннюю пору. С остальными было незначительно больше хлопот. Мне даже казалось, что амулет и правда оберегает меня от ударов. В финальном бою я встретила с сэром Джереми Браунсвоттером. Второй наследник Белого Утеса и десяти островов... он был статен, силен и необычайно красив. Когда его копьё выбило меня из седла, подняло на секунду в воздух и затем обрушило в грязь, я даже обрадовалась. Тогда мне казалось, что он был тем самым... единствен-

ным. Он сумел победить меня и тем самым завоевать мое сердце. – Алиса грустно усмехнулась. – Отец боялся, что я не смогу выйти к нему на трибуну, когда сэр Джереми сделает мне предложение: он думал, что я переломала себе все ребра. Но на мне не было и царапины. Лишь на медальоне гончей появилась трещина.

Вскоре было объявлено о моей помолвке... но отец не дожил до дня свадьбы. Черная болезнь свалила и забрала его так быстро, что ни один лекарь не смог понять, что произошло. Вскоре и мне стало нездоровиться. В день венчания я еле стояла на ногах. Когда наши узы были скреплены перед лицом Высших, Джереми оставил меня в спальне одну. Болезнь жрала меня изнутри, но я отказывалась умирать. Я ждала, что мой милый придет и спасет меня, что хотя бы запечатлеет на моих губах последний поцелуй. Но когда он пришел ко мне, он был не один. «Она крепче отца, – сказал мой муж своей спутнице, – если яд не возьмет ее к завтрашнему вечеру, просто прирежь ее». Когда они покинули комнату, я сумела встать с кровати и обнаружила, что амулет на моей груди рассыпался прахом. Я хотела убить негодяя собственными руками, но знала, что тот сильнее меня, и к тому же я все еще была отравлена. Мне пришлось бежать из замка. Спустя пять или шесть недель меня арестовали гвардейцы моего отца, когда я пыталась пробраться обратно в замок. Меня обвинили в бродяжничестве и воровстве. Я не стала спорить, лишь бы снова не попасть в лапы этого чудовища... так и оказалась на каторге.

– За бродяжничество на каторгу не отправляют, – заметил Томас.

– Мне пришлось покалечить много народу, чтобы сберечь свою честь в тюрьме, – пожала плечами Алиса.

– И что вы планируете делать теперь, миледи? – поинтересовался крестьянин.

– Я планирую поступить с убийцей моего отца так же, как ты, Эрик, поступил с тем ублюдком, что поднял руку на твою Дану.

– Тогда вам понадобится моя помощь, – сказал крестьянин твердо.

– Я с радостью приму ее. Если бы не ты, – призналась Алиса, – если бы не твой амулет, меня бы тут не было. Теперь я понимаю, что это он защитил меня от смерти. Даже в тот раз, на турнире, когда на нем появилась трещина...

– Амулет не оберегал от смерти, – Эрик покачал головой, – я создал его, чтобы оберегать от сглаза и темного колдовства.

– Так что, получается, что нынешний правитель Ришвальда тоже колдун? – заключил Томас.

– Или кто-то из его приближенных, – сделала вывод Алиса.

Когда она выговорила, девушка наконец почувствовала, что ей полегчало. Тяжкая ноша, которую она несла в своей душе, наконец-то перестала давить на нее с такой силой. «Быть может, – думала она, – я и правда нашла себе союзника?» Как же удивительно ей было осознавать, что молчаливый и мрачный крестьянин, по сути ее полная противоположность, станет единственным близким ей по духу человеком. Что-то в ее сердце загорелось, и аристократка поняла, что хочет во что бы то ни стало помочь Эрику вернуться к его семье. Но ведь их было трое...

– А что ты... – она хотела сказать «старик», но осеклась. – ...Томас?

Вор поднял взгляд от шкатулки. На одном его глазу красовался неведомо откуда взявшийся монокль с толстым стеклом.

– А что я? – спросил он, будто бы и не слышал разговора.

– Ты с нами? – спросил Эрик. Он, как всегда, четко уловил настрой разговора.

– Куда я денусь? – развел старик руками. – Мы тут все равно в одной лодке, так что иного выбора у меня нет.

За всеми этими разговорами Алиса забыла, что им еще предстоит работа в городе.

– Если мы выполним условия Лэнгли, он обещал нам поддержку, – сказала Алиса.

– Но хватит ли ее, чтобы скинуть безраздельного правителя четырех земель? – спросил Томас.

– Лишь двух, – поправила его Алиса, – родовыми землями владеет его брат.

– Ну да, по заповедям Высших никто не владеет больше чем двумя городами, – вставил свое слово крестьянин. Даже ему это было прекрасно известно.

– Разницы-то! – Томас взял в руки тонкий щуп и зачем-то начал аккуратно простукивать им крышку шкатулки.

Поведение старика, его безразличие сейчас вызывали у Алисы только гнев, но ей нужно было переступить через себя, чтобы заручиться поддержкой вора. Почему-то девушка знала, что без него им не справиться со своей миссией.

– Мне нужна твоя помощь, – твердо сказала она.

– Милая девочка... – проговорил старик, медленно отодвигая незаметную раньше панель на шкатулке. – Твой отец был замечательным человеком. Я имел возможность хорошо узнать его, когда готовился ограбить ваш замок. – В его левой руке появился пинцет, им он подцепил и вытащил тонкую пружину из механизма, скрытого под панелью. – Кстати, это было одно из трех моих дел, которые мне не удалось. Все три раза я пытался похитить один и тот же предмет – Око Высших. Вы, верно, слышали о нем?

– Это наша фамильная реликвия, – кивнула Алиса. Затем добавила для Эрика: – Это драгоценный камень, величиной с твой кулак.

Томас аккуратно поддел еще что-то в механизме, и раздались три негромких щелчка.

– Если быть точным, фамильная реликвия твоей матери, леди Марберл Гершенской, – пояснил вор. – Я так обрадовался, когда узнал, что она перевезла камень в новый замок, когда вышла за твоего отца. Раньше тот хранился в неприступной сокровищнице ее отца. Я потерял двух своих лучших учеников, когда пытался добыть камень оттуда. – Зафиксировав что-то в механизме несколькими кусочками проволоки, Томас перевернул шкатулку и стал повторять ритуал с простукиванием. – Занятная вещица, – прокомментировал он шкатулку, а затем продолжил свой рассказ: – В твоём родовом замке все было иначе. Больше людей, но меньше замков. К сожалению, напарник, которого я взял на дело, подвел меня в решающий момент, и пришлось отступить. Я разменял шестой десяток и решил, что это будет мое последнее дело. Я купил себе домик в горах и спокойно жил там все эти годы, пока на моем пороге не появились двое юношей. Они знали, кто я, и предложили мне работу. Сказали, что работают на гершенскую разведку и хотят похитить Око. Вернуть его в родные стены, так сказать. С первых минут было понятно, что это все часть большой игры и меня обязательно подставят.

– Но ты согласился, – догадался крестьянин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.